

ПРЯДЬ ОБ ОРМЕ СЫНЕ СТОРОЛЬВА

1. *Здесь начинается прядь об Орме сыне Сторольва*

Жил человек по имени Лосось, он был сыном Кетиля, ярла из Наумудаля¹. Мать Кетиля ярла звали Храфнхильд, она была дочерью Кетиля Лосося с Храфнисты². Лосось был человек знатный. Он поссорился с Харальдом конунгом Воспитанником Доври³ из-за убийства сыновей Хильдирид⁴ и был вынужден бежать из страны. Лосось поплыл на запад за море в Исландию. Когда они увидели землю, они были к югу от нее. Они зашли в широкое речное устье, поднялись на кораблях вверх по реке и причалили к восточному берегу. Эта река называется теперь Бычья Река⁵. Они стали осматривать тамошние земли.

Первую зиму Лосось провел на западном берегу Кривой Реки, а весной занял все земли от гор до моря, что лежат между Бычьей Рекой и Лесной Рекой, и поселился в Капище на восточном берегу Кривой Реки. Жену его звали Ингунн. Весной она родила сына, которого назвали Храфном. Лосось раздавал земли тем, кто приехал с ним в Исландию, а некоторым продавал. Всех их называли первыми поселенцами.

Второго сына Лосося звали Херьольв. Его сыном был Сумарлиди. Третьего сына звали Хельги, четвертого – Вестар. Храфн сын Лосося был первым законоговорителем в Исландии⁶. Он жил в Капище после своего отца. Его дочерью была Торлауг, которая стала женой Ёрунда годи⁷. У Лосося был пятый сын по имени Сторольв. Говорят, он был самым рослым из его сыновей, а Храфн – самым знатным. Сторольв был женат на Торарне, сестре Торбьёрна Скольма⁸, того, что был отцом Торальва. Сторольв жил на дворе Пригорок, который с тех пор зовется Сторольвов Пригорок⁹.

Сторольв был силен, как никто, и о нем шла молва, будто он оборотень¹⁰. Человек он был мудрый и сведущий во многих вещах, и поэтому его называли колдуном. У них с Торарной, его женой, был сын, которого звали Орм¹¹. Он рано возмужал и стал рослым и сильным и во всем искусным, так что, когда ему было

семь лет от роду, он ничуть не уступал в силе и сноровке самым могучим людям. Отец его недолго любил – и впрямь был он строптив и отлынивал от работы, – мать же его очень любила. Орм был не из тех, кто валяется у очага¹².

Так он рос, пока ему не минуло двенадцать зим. Сторольв был человек работающий и не сидел без дела. Как-то раз летом Сторольв взялся заготовливать сено, при нем было четыре лошади. Сам Сторольв работал, стоя наверху на стоге, однако не хватало рук, чтобы подбрасывать ему сена, а ему показалось, что собирается дождь. Тогда он позвал на подмогу Орма, своего сына, и попросил его подкинуть ему сена. Орм так и сделал. Но по мере того, как сгущались тучи, Сторольв заторопился и принялся подзадоривать Орма, чтобы тот как следует поднатужился и пустил в ход всю свою силу, говоря, что тот-де и слабак, и лентяй, и что росту в нем куда больше, чем силы и выносливости. Тогда Орм разозлился и живо сгреб целую охапку сена, а как раз в это время подходит лошадь. Схватил тут Орм поклажу вместе с лошадью и со всей сбруей и забросил их наверх на стог, да так проворно, что старик Сторольв свалился между стогами. При падении он так сильно ушибся, что сломал три ребра¹³. Сторольв сказал тогда:

– Не дело подзуживать дерзких¹⁴. По всему видно, что ты вырастешь человеком своевольным.

Все сочли, что для такого юнца, как он, это был немалый подвиг.

2. Орм сын Сторольва отправляется косить сено

Рассказывают также, что однажды Сторольв обратился к Орму, своему сыну, и велел ему отправиться на луг косить, – “потому что работники этим летом не успевают справляться со всем”.

– Где коса, которой я должен косить? – сказал Орм.

Сторольв дал ему косовище и новый клинок, оба были сработаны на славу. Орм согнул в руках и разломил пополам лезвие, а потом наступил ногой на косовище, так что оно разлетелось на куски, и заявил, что ничего из этого ему не подходит. Затем он

ушел, раздобыл две четверти железа¹⁵, отправился в кузницу и изготовил себе клинок. После этого он взял бревно из поленницы и приладил к нему две большие рукоятки так, чтобы они подходили ему по росту. Он насадил на это косовище новый клинок, закрепил его, обмотав железной проволокой, и пошел вниз на луг.

Местность там была бугристая, однако травы густые и сочные. Орм принимается за дело и косит весь день напролет до самого вечера. Сторольв посылает туда своих служанок сгребать за Ормом свежескошенную траву. И вот приходят они на луг и видят, что все сено, которое накопил Орм, лежит длинными полосами. Они приступают к работе и хотят перевернуть сено, но тут оказывается, что сделать это не так просто, как они рассчитывали, и ни руками, ни граблями им не удается сдвинуть с места ни одной кучи. Тогда они пошли домой и рассказали хозяину, как обстояло дело. Вечером он приехал на луг и увидел, что Орм срезал там все бугры, а землю свалил вперемешку с полосами скошенной травы. Сторольв велел ему остановиться, чтобы не учинять еще большего разорения. Орм так и сделал. Лезвие его косы было стерто по самый обух. Орм скошил тогда поле, которого хватило бы на восемь стогов, и это – единственные ровные луга на Сторольвовом Пригорке. Говорят, что каждый прокос там был никак не меньше того, что один человек может накосить за день¹⁶. Следы этого видны и по сей день.

3. Орм несет сено

Жил человек по имени Дуфтак¹⁷. Он жил на дворе, который называли В Лесу, а с тех пор он стал называться В Дуфтаковом Лесу. Дуфтак был велик ростом, и у него была такая колдовская сила, что он мог принимать разные обличья¹⁸. Они со Сторольвом не очень-то ладили, но все же порой относились друг к другу неплохо, да только в конце концов это не закончилось добром, так как поговаривают, что это Дуфтак убил Сторольва.

Так продолжалось, пока Орму не минуло восемнадцать лет. В тот год стояла такая суровая зима, что замерзли пастбища. У Сторольва было очень много скота, и со временем запасы сена у него стали иссякать, да так быстро, что он уже подумывал

о том, что если не найти выхода из положения, придется ему зарезать свою скотину. Ни у кого в округе сена было не достать, только у Дуфтака его было в избытке, однако он не желал ни с кем делиться. В ту пору отношения между ними были не слишком дружеские.

Позднее зимой, когда скотина изрядно изголодалась, Сторольв посылает Орма, своего сына, к Дуфтаку раздобыть у него сена. И вот Орм отправляется повидаться с Дуфтаком и просит его продать ему сена, но тот отвечает, что у него ничего нет на продажу. Орм, однако, продолжал настаивать, и тогда Дуфтак сказал, что, если ему так хочется, он может получить столько сена, сколько способен унести, –

– И если каждый в округе даст тебе столько же, все же вам кое-что перепадет.

– Не больно-то щедрое предложение, но я согласен. Откуда брать сено?

– На дворе стоят два стога, – говорит Дуфтак, – в одном – четыре сажени в объёме, в другом – две, да поперек будет добрых две сажени и почти столько же в высоту, разве что он успел немного осесть. Возьми себе сена из того стога, что поменьше.

– Схожу-ка я прежде домой за веревкой.

Он так и сделал и рассказал своему отцу, как обстоит дело.

– Это всего лишь жалкая подачка, – говорит Сторольв, – и он за нее ничего не получит. Но сдастся мне, будет разумнее, если я пойду за сеном вместо тебя, потому что я способен унести больше.

– Нельзя, – сказал Орм, – ведь он готов дать столько сена, сколько смогу унести я.

– Хотя ты и мало на что годишься, придется тебе на этот раз напрячь все силы, – говорит Сторольв.

Орм уходит, идет в кладовую, берет десяток веревок из конского волоса, снимает с них пряжки и связывает их в длину и в толщину так, что из них получилась одна. Потом он возвращается в Лес¹⁹, заворачивает во двор, где стояло сено, и заходит туда, поломав ворота. Он направляется напрямик к стогу, что побольше, и сбрасывает с него торф и подгнившее сено. Затем он наклоняется, приподымает стог над землей, подсовывает под не-

го веревку, продевает ее в пряжку и перетягивает ею сено. После этого он присел и взвалил эту связку себе на плечи – некоторые рассказывают, что прежде он водрузил на нее тот стог, что поменьше. С этой поклажей он отправился домой на Сторольвов Пригорок. Хозяин был на дворе и увидел его. Он сильно удивился, и ему пришлось признать, что сам он не смог бы дотащить такую ношу²⁰. Сено внесли в амбар, и он был заполнен до самого верху. Этого сена хватило так надолго, что весной Сторольву не пришлось забивать скотину. С той поры отношения между отцом и сыном пошли на лад, оттого что Сторольв увидел, каким недюжинным человеком был Орм.

Когда же старик Дуфтак немного погодя вышел на двор и увидел, что произошло, – что оба его стога исчезли, а то, что от них осталось, валялось затоптанным и ни на что не годилось, а еще увидел, как Орм выходит за ограду, неся оба стога, – он удивился тому, какую большую ношу Орм мог утащить на себе. А весной Дуфтак поехал на Пригорок и потребовал от Сторольва платы за сено, но ничего не получил. Он считал, что за сено должно быть уплачено никак не меньше стоимости шести коров²¹. Это привело к долгой неприязни и вражде между ним и Сторольвом, о чем будет рассказано позднее²².

4. Орм и Торальв состязаются в силе

Когда Орму было двадцать лет, он, по своему обыкновению, поехал на альтинг. Тинг в тот раз выдался многолюдный. Прибыл на него с севера со двора У Темной Реки, что в Долине Капицной Реки, и Торальв сын Скольма, родич Орма. С ним был человек по имени Мелкольв. Сила у него была, как у шестерых. Все они остановились в одной землянке²³ с Ёрундом годи, свояком Орма²⁴.

Ёрунд годи получил в подарок подковы. Они были так велики и на их изготовление пошло столько железа, что и без гвоздей они весили полфунта²⁵. Их пустили по кругу, и все их рассматривали. Когда очередь дошла до Торальва, он взял четыре подковы, сложил их вместе, подержал в руках некоторое время, а затем протянул Орму, и все они оказались прямыми, точно све-

чи. Орм взял у него подковы и выгнул их назад, все четыре разом, и все сочли, что это было большим испытанием силы для них обоих²⁶.

А днем, когда они вышли, то увидали, что у пивоварни стоит котел, который вмещал два бочонка²⁷. Они наполнили его доверху песком. Затем к нему подошел Мелкольв и поднял его одной рукой. После него подошел Торальв и поднял его двумя пальцами. Последним подошел Орм. Он продел под ручку котла мизинец и приподнял его не выше щиколотки, а потом быстро спрятал руку под плащ.

Торальв сказал:

– Покажи-ка палец.

– Не хочу, – говорит Орм.

– Я тоже мог бы пораниться, если бы пожелал, – говорит Торальв, – только мне не захотелось.

Все решили, что он, верно, разорвал себе мясо и сухожилия до самой кости.

После этого люди разъехались с тинга по домам, и Орм сидел спокойно у себя в усадьбе. Все очень дивились подвигам Орма, как тем, что он совершил раньше, так и тем, что впоследствии, а они делались все значительнее, чем старше он становился. Все, и друзья его, и враги, в один голос говорили, что ни в их времена, ни прежде не было в Исландии большего силача, чем он, среди тех, кто не менял своего обличья.

5. Об Асбьёрне Горделивом

Одного человека звали Вирфиль. Он был управителем в одной деревне в Дании, в местности, которая называется Вендильскаги²⁸. Они были братьями с Весети с Боргундархольма²⁹. Вирфиль был женат и у него был сын по имени Асбьёрн. С ранних лет был он статен, хорош собой и владел всякими искусствами. Не было человека более благородного, чем он, поэтому его прозвали Асбьёрн Горделивый.

В те времена в обычае было, что по стране ходили женщины, которых называли вёльвами, и предсказывали людям, что им суждено, какой выдастся год, и прочие вещи, которые им хоте-

лось узнать. Одна из них явилась со своими людьми³⁰ к Вирфилю бонду, и ей был оказан хороший прием, так как угощение там было на славу.

Вечером, когда люди сидели все вместе, вёльву попросили что-нибудь предсказать, и она сказала, что Вирфиль проживет там до самой старости и будет пользоваться всеобщим уважением, –

– Но тому молодому человеку, что сидит подле тебя, бонд, стоило бы послушать, что ему суждено, потому что он будет много странствовать по свету, и повсюду его будут считать большим человеком, и он совершит много славных дел и умрет в старости, если только не отправится в Северный Мёр, что в Норвегии, или еще дальше на север этой страны.

– Я думаю, – говорит Асбьёрн, – что там я буду ничуть не ближе к смерти, чем здесь.

– Не тебе об этом судить, что бы ты ни думал, – сказала вёльва и произнесла такие стихи:

1. Сколько б ни гнал ты
в даль волн гнедого³¹,
в просторы моря
струг увлекая,
на севере все же
ждет смерть у Мёра –
гибель неминуча³².
Молчать мне лучше.

После этого вёльва пробыла там еще некоторое время, как было условлено, а затем была отпущена с богатыми дарами.

Асбьёрн рос, и как только вошел в возраст, отправился в путь. Он совершает поездки в разные страны и узнает там обычаи других людей, и куда бы он ни приезжал, его очень ценят хёвдинги. Род его матери происходил с севера Норвегии, из Хёрдаланда и Северного Мёра, это были потомки Кари Бобра³³. Асбьёрн по долгу гостил у своих родичей с материнской стороны, и те очень ценили его за его способности и умения.

6. Орм и Асбьёрн завоевывают Гаутланд

Теперь надо вернуться к рассказу о том, что Орм сын Сторольва находился в Исландии. А когда ему минуло тридцать лет³⁴, он договорился с человеком по имени Эцур из Хёрдаланда, чей корабль стоял на якоре в Бычьей Реке, и уехал вместе с ним из страны. Эцур владел усадьбой в Хёрдаланде, и Орм провёл у него зиму. Асбьёрн Горделивый был в то время в Хёрдаланде, и они с Ормом частенько встречались. Они хорошо поладили, и вскоре подружились. Они часто устраивали состязания, и выходило, что они ни в чем не уступали друг другу, если только не мерились силой: тогда победа доставалась Орму, так как он был гораздо сильнее. В конце концов они принесли обет побратимства по древнему обычаю³⁵ и поклялись, что тот из них, кто проживет дольше, отомстит за другого, если он примет смерть от оружия.

Весной Асбьёрн сказал Орму, что хотел бы поехать на север в Мёр и встретиться со своими родичами, Эйвиндом Ужом и Бергтором Бестилом³⁶.

– А кроме того, мне не терпится проверить, – говорит он, – не расстанусь ли я и впрямь с жизнью, стоит мне только там оказаться, как наговорила эта жалкая вельва.

Орм сказал, что готов отправиться в эту поездку, – “однако я не думаю, что в твоих силах поспорить с этим, потому что таким людям, как она, многое ведомо”.

Затем они поплыли на двух кораблях на север в Мёр. Эйвинд и Бергтор оказали своему родичу Асбьёрну теплый прием, поскольку они были двоюродные братья. Это произошло в конце правления ярла Хакона из Хладира³⁷.

Там Асбьёрн узнал, что севернее лежат два острова и оба они носят название Овечьи Острова. Правителем дальнего острова был великан по имени Бруси. Будто бы это был огромный тролль и людоед, и считалось, что людям его ни за что не одолеть, как бы много их ни было. Но еще того хуже было иметь дело с его матерью. То была огромная черная, как уголь, кошка размером с самого большого жертвенного быка³⁸. Из-за этой нечисти тамошним жителям не было никакого проку ни от одного из тех островов.

Асбьёрну очень захотелось побывать на этих островах, однако Орм был против. По его словам, мало что могло быть хуже, чем иметь дело с этакой нежитью, так что из этой поездки ничего не вышло. Летом они поплыли на юг в Данию и зазимовали у Вирфиля. А когда зима закончилась и наступила весна, они отправились в поход на пяти кораблях и плавали повсюду между островами и в дальних шхерах, одерживая победы и захватывая добычу везде, где бы ни появлялись. Никто в то время не снискал себе большей славы в викингском походе, чем они.

В конце лета они направились в Гаутланд³⁹ и принялись разорять его. В то время там правил ярл по имени Херрэд⁴⁰. Они сражались во множестве битв и подчинили себе всю страну. Там они провели третью зиму⁴¹.

Зимой там устраивались пиры и было большое веселье. Както раз зимой, когда Асбьёрн с Ормом сидели за брагой, Асбьёрн сказал такую вису:

2. Предрекла мне вельва:
 стопы на пагубу
 в Мёр свои направлю,
 пропела, на север.
 Несведуща ведьма:
 буду жив и весел
 я в Державе Гаутской.
 К троллям речи вруньи!

Весной Орм с Асбьёрном уехали, не пожелав дольше там оставаться. Летом они направились на север Дании, а оттуда в Норвегию, и четвертую зиму провели у Эцура из Хёрдаланда.

Весной побратимы принялись совещаться. Асбьёрн хотел отправиться в поход, а Орм – вернуться в Исландию, поэтому они расстались, сохранив, однако, свою любовь и дружбу. Орм уехал в Исландию с Эцуром из Хёрдаланда; их плаванье было удачным, и они привели свой корабль в Глинистый Залив под Пустошью⁴². Орм узнал тогда новость о том, что старик Сторольв, его отец, погиб из-за своей распри с Дуфтаком. Мало кто горевал о нем. Затем Орм поехал домой на Сторольвов Пригорок и поселился там. Он жил там долгое время, после того как отомстил за Сторольва, своего отца, о чем рассказывается в Перечне исландцев⁴³.

7. Убийство Асбьёрна

Вскоре после того, как Орм с Асбьёрном расстались, Асбьёрну во что бы то ни стало захотелось отправиться на север на Овечьи Острова. И вот он поплыл с двадцатью четырьмя спутниками на одном корабле на север от Мёра. Однажды на исходе дня они пристают к дальнему из Овечьих Островов, сходят на берег и ставят шатер. Они заночевали там, не встретив ни души.

На другой день рано поутру Асбьёрн встает, одевается, берет свое оружие и поднимается на остров, приказав своим людям дожидаться его. А спустя какое-то время после ухода Асбьёрна видят они, что ко входу в шатер подошла страшная кошка. Она была черна, как уголь, и весьма свирепа с виду. Казалось, что из ноздрей и пасти у нее вырывается пламя. Глаза у нее тоже не были добрыми. Люди были немало поражены этим зрелищем и преисполнились ужаса. Тут кошка прыгнула в шатер, набросилась на них и принялась хватать их одного за другим, и рассказывают, что кое-кого она проглотила, а иных растерзала своими когтями и клыками⁴⁴. За короткое время она убила двадцать человек, троим же удалось выбраться наружу⁴⁵, и они бежали на корабль и поспешно отплыли.

Асбьёрн же идет, пока не приходит к пещере Бруси. Не долго думая, он заходит внутрь. Он не мог ничего разглядеть из-за того, что в пещере было очень темно. Не успел Асбьёрн опомниться, как был схвачен и поднят в воздух, а затем брошен оземь с такой силой, что не сразу пришел в себя от удивления. Догадывается он тут, что это не кто иной, как великан Бруси, – а тот и вправду был великоват с виду.

Тогда Бруси сказал:

– Ты приложил немало стараний, чтобы пробраться сюда, и убедись нынче, что делал это не зря, потому что ты лишишься здесь жизни, и притом в таких великих мучениях, что это отводит других от того, чтобы являться в мой дом с враждебными намерениями.

Затем он сорвал с Асбьёрна одежду, поскольку разница в силе между ними была столь велика, что ётун мог в одиночку принимать все решения за них обоих. Асбьёрн увидел, что пещеру разделяла широкая перегородка, а посреди нее было большое от-

верстие. Чуть поодаль от перегородки стоял могучий железный столб.

– А теперь поглядим, – говорит Бруси, – насколько ты выносливее других людей.

– Недолго проверять, – говорит Асбьёрн. – Удача оставила меня, коли я не смог никак защититься, так что я, похоже, обречен.

И он сказал такую вису:

3. Силе своей
доверять не должно.
Мощь подведет,
не хватит отваги.
Так в смертный час
изменит удача,
доблесть подспорьем
не станет мужу⁴⁶.

После этого Бруси вспорол Асбьёрну живот, вытащил конец его кишок и привязал его к железному столбу. Затем он принялся водить Асбьёрна вокруг столба, и тот так и ходил кругами, пока все кишки его не намотались на столб⁴⁷. Все это время он произносил такие висы:

4. Знать, лебязьбелой
курган кудрей⁴⁸ сыну
расчесывать гребнем
не судьба, скажи ей.
Дал зарок я в Данмёрк⁴⁹
наведаться летом.
Остролезый нынче
меч пронзит героя.
5. То ли дело прежде –
радостны от браги
корабль уводили
прочь от брега хёрдов⁵⁰;
за пивом в беседах
время коротали.
Нынче к троллю в лапы
один угодил я.

6. То ли дело прежде –
в путь стремились струги,
Сторольвов питомец⁵¹
стоял, храбр, на штевне;
в Эйрасунд⁵² бесстрашный
вел вола приборя⁵³.
Нынче предан подло⁵⁴
я в плену у троллей.
7. То ли дело прежде –
поил вороного
Гейтира⁵⁵ Орм в шторме
Хильд⁵⁶, длил алчный сечу.
Скормил лихой вдоволь
волку плоти вражьей,
разил дланью тяжкой
в устье Ивы⁵⁷ витязь.
8. То ли дело прежде –
не щадил я в шхерах
мужей, жвачки волчьей⁵⁸
мог отведасть каждый.
Споро Орм слал стрелы,
полегла у Эльва⁵⁹
Мидьюнга недвижна
родня⁶⁰ в граде дротов⁶¹.
9. То ли дело прежде –
держались мы вместе:
Гаут и Гейри,
Глум и Старри,
Сам и Сэминг,
сыны Оддвёр,
Хаук и Хама,
Хрок и Токи.
10. То ли дело прежде –
бороздили море
Храни и Хёгни,
Хьяльм и Стевнир,

- Грани и Гуннар,
Грим и Сёрквир,
Туми и Торви,
Тейт и Гейтир⁶².
11. То ли дело прежде –
стойкий в стоне копий⁶³
отступить не думал,
рад разить я рати
шипом щита⁶⁴ вражьи:
охоч был до сечи.
Вел мужей в сраженье
всегда Орм бесстрашный⁶⁵.
12. Хмуро Орм
взирал бы, верно,
на муку эту,
когда б мог видеть.
Плохо придется
троллю, коль он
о пытке прослышит, –
и поделом.

Затем Асбьёрн расстался с жизнью мужественно и с большим достоинством.

8. Орм встречается с Менглёд на Овечьем Острове

Теперь надо рассказать о том, что те трое, которым удалось спастись, гребли что есть силы без передышки, пока не добрались до материка. Они поведали о том, что произошло во время их поездки, и сказали, что Асбьёрн, по их мнению, мертв, хотя они и не могут ничего рассказать об обстоятельствах его гибели. Они уплыли на корабле вместе с торговыми людьми и прибыли на юг в Данию. И вот эта весть разносится повсюду, и все находят ее весьма удивительной.

В то время в Норвегии сменился правитель – Хакон ярл умер, и в страну явился Олав сын Трюгви и начал проповедовать всем правую веру⁶⁶.

Орм сын Сторольва получил в Исландии известие о поездке и предполагаемой гибели Асбьёрна и счел ее величайшей утратой. Он не пожелал дольше оставаться в Исландии, взшел на корабль в Китовом Фьорде⁶⁷ и уехал из страны. Они высадились на севере Норвегии, и он провел зиму в Трандхейме. К тому времени Олав уже три зимы был конунгом Норвегии.

Весной Орм снаряжился в поездку на Овечьи Острова. У него на корабле было почти столько же народа, сколько у Асбьёрна. Они причалили к меньшему из Овечьих Островов поздно вечером, разбили шатер на берегу и заночевали там. Рассказывают, что Орм принял неполное крещение⁶⁸ в Дании, а затем крестился в Исландии.

А когда Орм уснул, он увидел, что в шатер вошла женщина, статная и решительная, она была нарядно одета и пригожа лицом. Она приблизилась к тому месту, где лежал Орм, и остановилась. Орму привиделось, что он поздоровался с нею и спросил ее имя, а она ответила, что ее зовут Менглёд⁶⁹ и она дочь Офотана из Офотансфьорда⁷⁰, что на севере, –

– Мы с Бруси единокровные брат и сестра, так что у нас один отец, однако у меня мать – женщина, а у него – черная, как уголь, кошка, что живет в его пещере. Но хотя мы и состоим в родстве, нравом мы несхожи. Он правит дальним островом, и тот остров намного лучше этого. Соседство с ним доставляет мне столько неприятностей, что я подумываю о том, чтобы уехать отсюда. Мне известно, зачем ты явился: ты намерен отомстить за Асбьёрна, твоего побратима, и тебя нельзя за это винить, потому что он был храбрец, каких мало. Ты, верно, не прочь узнать, как он был убит, однако кроме меня и Бруси об этом мало кто может рассказать.

Тут она начала свой рассказ и поведала все о гибели Асбьёрна, а также сказала все висы, которые тот произнес, –

– И я не могу предвидеть, что окажется сильнее – ворожба Бруси и его матери или твоя удача. Но ты – единственный человек, которого он страшится, и он уже сделал все приготовления на тот случай, если ты вздумаешь пожаловать к нему. Он приволок скалу и загородил ею вход в пещеру, так что пока она там стоит, никто не сможет проникнуть внутрь, и несмотря на всю

твою силу, тебе не одолеть Бруси и не отодвинуть эту скалу. Однако у меня есть для тебя рукавицы: у них такое свойство, что тот, на чьи руки они надеты, никогда не испытывает недостатка в силе⁷¹. Если выйдет так, что тебе удастся победить Бруси, я требую, чтобы ты отдал мне власть над Овечьим Островом. Я решила тебе помочь, потому что ты мне приглянулся, хотя нам и не придется наслаждаться друг другом из-за твоей веры⁷².

После этого женщина исчезла, а Орм проснулся, и рукавицы были подле, и он припомнил все висы. Тут Орм встал, разбудил своих спутников и отплыл на остров. Там он поднялся на берег и приказал своим людям дожидаться его на корабле до завтрашнего дня, а если он не возвратится к этому же времени, – уплыть.

9. Убийство Бруси

И вот Орм идет, пока не приходит к пещере. Тут он замечает огромную скалу, и вид у нее такой, что кажется ему, ни одному человеку не под силу будет убрать ее оттуда. И все же он натягивает рукавицы, подарок Менглёд, хватается за скалу и оттаскивает ее от входа. Думается Орму, что никогда еще его сила не подвергалась такому великому испытанию.

Затем он заходит в пещеру, положив у входа свой меч, на котором были насечены тайные знаки⁷³. Не успел он войти, как видит, что на него мчится кошка с разинутой пастью. У Орма были с собой лук и колчан. Он положил стрелу на тетиву и выпустил в чудище три стрелы, однако она поймала их зубами и перекусила. Тогда она набрасывается на Орма и вонзает ему в грудь когти, да так, что Орм падает на колени, а ее когти проникают сквозь одежду и пронзают его плоть до самых костей. Потом она пытается укусить его в лицо. Понимает он тут, что ему, похоже, несдобровать, и взывает к самому Богу и святому апостолу Петру, обещая, что если он победит эту кошку и сына ее, Бруси, то совершит паломничество в Рим. После этого Орм замечает, что у кошки поубавилось силы. Тогда он хватается одной рукой за горло, а другой за хребет, перегибает назад, переламывает ей хребет пополам и бросает ее мертвую.

После этого Орм замечает широкую перегородку, которая стояла посреди пещеры. Он идет в глубь, а когда подходит к перегородке, то видит, что из нее торчит большущее копьё. Было оно и толстое, и длинное. Орм хватается за копьё и пытается вытащить его. Тогда Бруси тянет копьё к себе, но оно сидит крепко и не поддается. Бруси удивился и выглянул сверху из-за перегородки. И как только Орм увидел его, он ухватился обеими руками за его бороду, а Бруси отпрянул. Принялись они тут тянуть изо всех сил каждый в свою сторону поверх перегородки. Орм накрутил бороду Бруси себе на руку и потянул с такой силой, что вырвал ее с корнем, а впридачу к ней подбородок, обе челюсти и кожу с обеих щек до самых ушей. Вместе с кожей сошло все мясо до самых костей⁷⁴. Бруси нахмурил брови и скорчил ужасную гримасу.

Тут Орм перемахнул через перегородку. Они схватились и начали бороться, и это продолжалось довольно долго. Бруси вскоре выдохся из-за потери крови и стал отступать. Тогда Орм собирается с силами, прижимает Бруси к перегородке и запрокидывает его над нею.

– Давно уже мое сердце подсказывало мне, – сказал Бруси, – стоило мне только услышать о тебе, что ты доставишь мне кое-какие неприятности, и так оно и случилось. Я бы предпочел, чтобы ты покончил с этим поскорее и снес мне голову. И то правда: я долго мучил Асбьёрна Горделивого, когда я вывернул наружу все его кишки, однако он не дрогнул до самой смерти.

– Ты совершил большое злодеяние, – говорит Орм, – доставив столь жестокие мучения такому храбrecу, как он, и в напоминание об этом ты кое-что получишь.

Он выхватил кинжал и вырезал у него на спине кровавого орла – удалил все ребра, а потом вытащил легкие⁷⁵. Так Бруси лишился жизни, и это был довольно бесславный конец.

Потом Орм развел огонь и сжег дотла и Бруси, и кошку. Покончив с этим, он покинул пещеру с двумя сундуками, наполненными золотом и серебром. Все же прочие ценности вместе с островом он отдал Менглед, и они расстались большими друзьями. Орм воротился к своим людям в назначенный час, и они отплыли на материк. Орм провел в Трандхейме вторую зиму.

10. Об Орме и Эйрике

Летом Орм собрался в паломничество в Рим, и его путешествие было удачным. Осенью, после битвы при Свельде⁷⁶, он вернулся с юга в Данию и там услышал о том, что произошло. Тогда он отправился в Норвегию на встречу с Эйриком ярлом. Он застал его в Хладире⁷⁷, явился к нему и приветствовал его. Ярл принял его хорошо и спросил, как его зовут. Тот назвался Ормом. Ярл спросил:

– Так ты Орм Силач?

– Можете называть меня так, государь, если вам угодно. А дело у меня такое: я хотел бы погостить у вас этой зимой.

Ярл сказал, что он может остаться, и отвел ему место на главной скамье поближе к выходу⁷⁸. Зимой Орм был молчалив и держался особняком.

Как-то раз речь зашла о битве при Свельде и о том, с какой отвагой защищались воины Олава конунга и как нескоро была одержана победа над Змеем⁷⁹, а также о том, сколь яростен был натиск Эйрика ярла, раз ему удалось одолеть корабль, который все считали непобедимым в открытом море.

Орм сказал на это:

– Будь я среди воинов конунга, с Великим Змеем пришлось бы биться подольше.

И вот ярлу докладывают, что Орм, мол, разглагольствовал о том, что Великий Змей был бы непобедим, когда б на нем был он. Ярл посылает тогда за Ормом и спрашивает его, правда ли, что он говорил, будто победа над Змеем никогда не была бы одержана, если бы он был там.

– Нет, государь, – говорит Орм, – я сказал только, что будь я там, Змей был бы побежден не так скоро.

Ярл отвечает:

– От одного человека мало что могло зависеть, когда там было собрано столько могучих воинов. Но все же давай-ка проверим. Ты взойдешь на корабль один, а на тебя нападут пятнадцать боевых кораблей, и это – лишь малая часть той флотилии, что была при Свельде.

– Вам решать, государь, – сказал Орм, – однако я не намерен сдаваться, пока не буду побежден.

Орм вышел и взял толстенную палицу длиной в тринадцать локтей⁸⁰. Затем он взошел на борт и отплыл. После этого собрали людей на пятнадцати боевых кораблях, и они все разом напали на Орма. Рассказывают, что за короткое время Орм потопил семь кораблей, все они были разбиты в щепы. Тогда ярл приказал им прекратить эту игру, и они так и сделали. Почти все люди были спасены.

Потом ярл повелел, чтобы шестьдесят человек выступили против Орма в открытом поле, и это было исполнено. У Орма не было при себе другого оружия, кроме палицы, и он вертел ею над головой, словно это была дощечка, так что никто не смел приблизиться к нему: они видели, что каждому, кто окажется рядом, грозит верная смерть. Тогда ярл распорядился прекратить эту игру, и они так и сделали⁸¹.

Ярл сказал:

– Не думаю, Орм, что было преувеличением сказать, что будь ты на Великом Змее, он бы продержался подольше, потому что он ни за что не был бы побежден, если бы его защищал ты.

После этого Орм сделался дружинником Эйрика ярла, и благодаря своим достоинствам пользовался большой любовью ярла.

11. Орм является к Эйнару в Гимсар

Как-то раз Орм отправился посетить усадьбы своих друзей в Трандхейме, места, где он уже бывал прежде. По дороге он заехал в Гимсар. Эйнар⁸² тогда был дома. Это случилось, когда Эйнар был в церкви. Лук его стоял снаружи перед церковными дверями. Орм подошел и поднял его. Он положил стрелу на тетиву, оттянул ее назад так далеко, что наконечник стрелы уперся в лук, и так и оставил стрелу стоять в луке. Затем он положил лук на прежнее место и ушел.

А когда Эйнар вышел, он увидел, что случилось с его луком, и очень изумился. Он принялся расспрашивать, кто брал его лук, но ему долго не удавалось ничего выяснить, пока Орм сам не сказал ему. Эйнар ответил, что знал, что тот, кто смог растянуть его лук на длину стрелы до самого ее острия, уж точно был не слабак.

Эйрик ярл ездил по пирам⁸³ на востоке в Вике. Орм был тогда с ярлом. Когда же они прибыли в то место, где был разрушен Великий Змей⁸⁴, там лежала его мачта. Ярлу захотелось проверить, сколько людей потребуется, чтобы взвалить ее на плечи. Орма он поставил посредине. Мачту подняли шестьдесят человек. Затем ярл приказал, чтобы те, кто стояли по краям, отходили один за другим. Так продолжалось, пока под мачтой не остался стоять один Орм. Тогда он прошел с нею три шага, а потом опустил ее на землю. Говорят, Орм после этого был уже не тот, что прежде.

Орм пробыл у ярла несколько зим, а потом уехал в Исландию и поселился на дворе у Сторольвова Пригорка. Все считали его недоужинным человеком. Он умер в глубокой старости и до конца оставался приверженным своей вере.

Перевод выполнен по изд.: *Two Icelandic Stories: Hreiðars þáttur, Orms þáttur* / Ed. A. Faulkes. (Viking Society for Northern Research). L., 1968.

¹ человек по имени Лосось, он был сыном Кетилля, ярла из Наумудалы – Лосось – не имя, а прозвище. Согласно другим источникам – “Книге о заселении страны”, “Саге о Кетиле Лососе”, “Саге об Эгиле” – этот исландский первопоселенец носил то же имя, что и его знаменитый предок, а именно Кетиль Лосось (см. след. примеч.), тогда как имя его отца, ярла из Наумудалы, было не Кетиль, а Торкель.

² *Кетилля Лосося с Храфнисты* – легендарный герой Кетиль Лосось с острова Храфниста (неподалеку от Наумудалы в Норвегии). О происхождении прозвища “Лосось” рассказывается в одном из начальных эпизодов “Саги о Кетиле Лососе” (гл. I): ребенком Кетиль убивает дракона, однако, отвечая на вопросы своего отца, Халльбьёрна, утверждает, что убил лосося, за что и получает от него это прозвище.

³ *Харальдом конунгом Воспитанником Довери* – Харальд Прекрасноволосый, сын Халльвдана (ок. 885–931), первый норвежский конунг, чья власть распространялась на всю страну. Установлением единовластия этого правителя саги традиционно объясняют переселение в Исландию многих знатных норвежцев. С конца XIII в. имеет хождение легенда, согласно которой будущий конунг находился на воспитании у великана Довери (см.: *Flat*, I, 565–566).

- 4 *из-за убийства сыновей Хильдирид* – братья Харек и Хрёрек, приближенные конунга, которых Лосось убил из мести за своего друга и родича Торольва, сына Квельдульва. Об этом конфликте рассказывается в “Саге об Эгиле” (гл. 9–23).
- 5 *Бычья Река* – Тьёрса, река на юге Исландии. Владения Лосося находились на юге страны.
- 6 *Храфн сын Лосося был первым законоговорителем в Исландии* – Законоговоритель – главная выборная должность в Исландии в эпоху народоправства. Законоговоритель избирался на три года, и его обязанностью было возглавлять законы на ежегодном народном собрании (альтинг). Согласно “Книге об исландцах” (гл. 3) Ари Торгильссона, первым законоговорителем был Ульвльот, который составил самый ранний исландский свод законов и по совету которого в 930 г. был учрежден альтинг; в том же году эта должность перешла к Храфну сыну Лосося.
- 7 *годи* – предводитель и жрец, обладавший властью в своей округе (годорде). Годорд, как и связанные с ним административные и культовые функции, передавался по наследству, однако годорд можно было продать или уступить. По закону каждый свободный исландский поселенец-бонд был обязан принадлежать к тому или иному годорду, выбор же последнего оставался за ним. Первоначально в Исландии было 36 годордов, во второй половине X в. их число было увеличено до 39 за счет трех дополнительных годордов в северной четверти страны.
- 8 *Торбьёрна Скольма* – в других источниках Торгейр Скольм или Скольм (ср. “Сага о Греттире”, гл. 58), значение этого прозвища не установлено.
- 9 Это название и по сей день сохраняется на юге Исландии. Принято считать, что изложенные в начальном разделе пряди генеалогические сведения, как и весь рассказ о переселении Лосося в Исландию, были почерпнуты из “Саги об Эгиле” (см. гл. 23), о чем может свидетельствовать целый ряд текстуальных совпадений (при этом соответствующее сообщение саги пересказывается в пряди с некоторыми вариациями и сокращениями). В то же время кое-какие из приведенных здесь сведений известны исключительно из “Пряди об Орме”: так, нигде больше не упоминается имя жены Сторольва, Торарны.
- 10 *будто он оборотень* – Как явствует из саг, людей, которые превосходили окружающих ростом и силой, нередко подозревали в оборотничестве (ср. замечание о силачах в гл. 4). О том, что Сторольв был оборотнем, упоминается и в “Книге о заселении страны”, где приводится соответствующий рассказ (см. примеч. 18). Один из родичей Сторольва, Ульв, дед скальда Эгиля, за оборотничество был прозван Квельд-Ульвом (Вечерним Волком): поскольку вечерами он делался сонливым и рано ложился спать, считалось, что в это время он покидал свое тело и превращался в волка.
- 11 *был сын, которого звали Орм* – Сообщаемая в пряди генеалогическая информация несколько отличается от соответствующей записи в “Книге о заселении страны” (*Land. II, 348*), согласно которой, помимо Орма, у Сторольва были и другие дети – сын Откель и дочь Храфнхильд, вышедшая замуж за

- Гуннара сына Бауги, их внуком (и, стало быть, правнуком Сторольва) был Гуннар с Конца Склона, герой “Саги о Ньяле”.
- 12 *Орм был не из тех, кто валяется у очага* – т. е. не был в детстве увальнем-запечником, отстававшим в развитии и считавшимся дураком (см. статью).
- 13 О параллелях к этому эпизоду в гл. 1 “Саги о Кетиле Лососе” см. в статье.
- 14 *Не дело подзуживать дерзких* – ср. дословную параллель в “Саге о Греттире”, гл. 14 (*ИС I, 593*).
- 15 *две четверти железа* – т. е. двадцать фунтов: “четверть” в качестве меры веса равнялась десяти фунтам (примерно 4,5 кг).
- 16 *того, что один человек может накопить за день* – Считалось, что за целый день работник мог скопить сено на площади в три четверти акра.
- 17 *Дуфтак* – Судя по его имени (ср. ирл. Дубтах) – ирландец по происхождению.
- 18 *мог принимать разные обличья* – Дуфтак и Сторольв упоминаются вместе также и в “Книге о заселении страны” (*Land. II, 355–356*), где, как и в пряди, говорится, что они оба были оборотнями. В подтверждение приводится сообщение о том, что их видели на Сторольвовом Поле после захода солнца яростно бьющимися друг с другом в обличьях медведя (Сторольв) и быка (Дуфтак). Победа досталась Сторольву, оба противника были изранены, а наутро оказалось, что на месте их поединка образовался овраг.
- 19 *в Лес* – Ранее было сказано, что двор Дуфтака назывался “В Лесу”. Расстояние между двумя дворами составляло не менее трех километров.
- 20 *не смог бы дотащить такую ношу* – По подсчетам комментатора пряди Э. Фолкса, Орм нес больше 12 тонн сена.
- 21 *стоимости шести коров* – В XIV в., когда был записан этот рассказ, стоимость одной коровы равнялась “сотне” (= 120) локтей домотканного сукна или составляла $3\frac{1}{3}$ унции серебра.
- 22 *о чем будет рассказано позднее* – Обещанное автором продолжение рассказа о ссорах между Сторольвом и Дуфтаком в пряди отсутствует, в дальнейшем лишь упоминается о гибели Сторольва.
- 23 *землянке* – приехавшие на альтинг исландцы жили в землянках, следы которых видны по сей день.
- 24 *с Ёрундом годи, свояком Орма* – Как было сказано ранее, Ёрунд был женат на Торлауг, дочери Храфна Законоговорителя, брата Сторольва. От Ёрунда происходил знатный род людей из Одди (*Oddaverjar*), к которому принадлежали многие именитые исландцы, в том числе Сэмунд Мудрый; среди потомков Ёрунда был и Снорри Стурлусон.
- 25 *они весили полфунта* – фунт в то время равнялся 12 современным.
- 26 *большим испытанием силы для них обоих* – О соответствующей записи в гл. 58 “Саги о Греттире” см. в статье. Торальв сын Скольма упоминается и в других сагах (в “Круге Земном” он назван Торальвом Могучим), кроме того, о нем сохранился отрывок скальдической песни.
- 27 *котел, который вмещал два бочонка* – По обычаю, пиво для приехавших на альтинг варилось в больших количествах (см. “Прядь о Пивном Капошоне”).

- 28 *Вендильскаги* – совр. Скаген.
- 29 *Они были братьями с Весети с Боргундархольма* – Имя Весети с Боргундархольма (о. Борнхольм) известно из “Саги о йомсвикингах” и “Круга Земного”.
- 30 *называли вёльвами... явилась со своими людьми* – Следующий за тем рассказ о пророчестве основан на аналогичном эпизоде из “Саги об Одде Стреле” (см. статью). Тогда как в “Пряди об Орме” свита вёльвы лишь упоминается, в саге об Одде сказано, что провидицу сопровождали 15 девочек и 15 мальчиков, которые участвовали в совершаемых ею ночных колдовских обрядах. Подробное описание наряда и поведения вёльвы, а также ритуала, предшествующего произнесению пророчеств, содержится в “Саге об Эйрике Рыжем” (гл. 4).
- 31 *волн гнедого* – гнедой волн = корабль.
- 32 *Сколько б ни гнал ты... гибель неминуча* – Виса провидицы, судя по всему, имеет своим прообразом стихи, обращенные к Одду Стреле вёльвой Хейд (см. статью).
- 33 *Кари Бобра* – Помимо прочих источников (“Книги о заселении страны” и др.), это имя упоминается также в “Пряди о Торстейне Бычья Нога”, имеющей ряд параллелей с рассказом об Орме. Согласно ее сообщению, составитель первого исландского свода законов, лагман Ульвльют, приходился внуком с материнской стороны Аслаку Бивру-Кари (= Кари Бобру), сыну Арнора.
- 34 *когда ему минуло тридцать лет* – Согласно внутренней хронологии пряди, Орм впервые покидает Исландию в 990 или 991 г.
- 35 *принесли обет побратимства по древнему обычаю* – Обряд заключения побратимства подробно описан в нескольких сагах, в том числе в “Саге о Гисли”, гл. 6: “...вырезают длинный пласт дерна, так, что оба края его соединяются с землей, ставят под него копы с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник крепится к древку. Им <...> надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную изпод дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов” (пер. О.А. Смирницкой. См.: *ИС I*, 510–511). Затем все принимавшие обет подали друг другу руки.
- 36 *Эйвиндом Ужом и Бергтором Бестилом* – Имена этих родичей Асбьёрна также стоят рядом в перечне защитников Великого Змея (см. статью).
- 37 *ярла Хакона из Хладира* – норвежский правитель (974–995).
- 38 *самого большого жертвенного быка* – Для жертвоприношений богу плодородия Фрейру выбирались самые крупные быки.
- 39 *Гаутланд* – Западный и Восточный Гаутланд, области на юге Швеции.
- 40 *ярл по имени Херрёд* – по-видимому, вымышленный персонаж, чье имя могло быть почерпнуто либо из “Саги о Рагнаре Лодброке”, либо из “Речей Вороны” (строфа 5).
- 41 *Там они провели третью зиму* – т. е. третью зиму после того, как Орм покинул Исландию.

- 42 *в Глинистый Залив под Пустошью* – т. е. под Пустошью Мшистой Горы (Mosfellsheiðr). *Глинистый Залив* – небольшой залив к северу от Рейкьявика.
- 43 *рассказывается в Перечне исландцев* – Íslendingaskrá – об этом сочинении ничего не известно; по-видимому, речь идет об утраченной книге XII или XIII в., содержащей генеалогические сведения. Не исключено, что именно из этого источника была почерпнута и прочая информация о родичах Орма, которая отсутствует в “Саге об Эгиле” (см. примеч. 9).
- 44 *растерзала своими когтями и клыками* – О параллели к этой сцене в “Саге об Одде Стреле” (гл. 20) см. в статье.
- 45 *двадцать человек, троим же удалось выбраться наружу* – Ранее было сказано, что Асбьёрн отправился на остров “с четырьмя и двадцатью” спутниками. Видимо, ошибка писца, принявшего порядковое числительное *við fjóða*, употребленное в значении “сам четвертый”, за количественное – *við fjóra* (“с четырьмя”).
- 46 Образцом для этой строфы Асбьёрна послужила виса Халльмунда в гл. 62 “Саги о Греттире” (см. статью).
- 47 *пока все кишки его не намотались на столб* – см. об этой казни в статье.
- 48 *курган кудрей* – голова.
- 49 *в Данмёрк* – в Данию.
- 50 *хёрдов* – жителей Хёрдаланда, области на западе Норвегии.
- 51 *Сторольвов питомец* – т. е. Орм.
- 52 *Эйрасунд* – пролив Эресунд между Данией и Швецией.
- 53 *вола прибоя* – корабль.
- 54 *Нынче предан подло* – Ни о каком предательстве в пряди не упоминается.
- 55 *вороного Гейтира* – Гейтир – великан, “конь великана” – волк. Употребление этого кеннинга вместо традиционного для классической скальдической поэзии наименования волка “конь великанши” подтверждает позднее происхождение предсмертных вис Асбьёрна.
- 56 *в шторме Хильд* – в битве; Хильд – валькирия.
- 57 *в устье Ивы* – неизвестная река, название которой автор стихов мог почерпнуть из “Речей Вороны” (строфа 4).
- 58 *жвачки волчьей* – т. е. меча; кеннинг восходит к эддическому мифу, согласно которому, связав волка Фенрира, асы вставили ему в пасть меч, чтобы он не мог никого укусить, и с ним он дожидается конца света.
- 59 *у Эльва* – река Гётаэльв в Западном Гаутланде.
- 60 *Мидьонга родня* – Кто такой Мидьонг, не установлено, возможно, стихи отсылают к какому-то неизвестному эпизоду легенды об Орме. Поскольку это имя присутствует в перечне великанов в ряде рукописей “Младшей Эдды”, не исключено, что “родня Мидьонга” – кеннинг великанов.
- 61 *в граде дротов* – в битве.
- 62 *Гаут и Гейри... Тейт и Гейтир* – Подобные поэтические перечни (обычно именуемые “тулами”), в том числе перечни имен боевых сподвижников, весьма распространены в древнегерманской поэзии.
- 63 *в стоне копий* – в битве.

- 64 *шипом щита* – мечом.
- 65 *То ли дело... Орм бесстрашный* – Вопреки скальдическому канону, требующему, чтобы восьмистишная виса делилась на два завершенных как в смысле, так и в синтаксическом отношении четверостишия (хельминга), в данной строфе это структурное правило не соблюдается. Во всей поэтической традиции скальдов известны только два случая его нарушения: другой пример – в относящейся к началу XI в. заключительной строфе “Поминальной драпы об Олаве Трюггвасоне” Хальфреда Трудного Скальда.
- 66 *Олав сын Трюггви и начал проповедовать всем правую веру* – норвежский конунг (995–1000), первым начавший вводить христианство в своей стране и за ее пределами, считается крестителем Исландии.
- 67 *в Китовом Фьорде* – фьорд на востоке Исландии. Непонятно, почему Орм, чья усадьба находилась на юго-западе страны, отправляется в плавание из восточной четверти.
- 68 *принял неполное крещение* – Имеется в виду обряд *prima signatio*, т. е. осенение обращаемого крестом и чтение над ним молитв (оглашение). Этот обряд предшествовал крещению и позволял принявшему его жить как среди христиан, так и среди язычников. Упомянув о последующем крещении Орма в Исландии, рассказчик, по-видимому, относит это событие к миссии священника Тангбранда (997 г.).
- 69 *Менглёд* – см. статью.
- 70 *Офотана из Офотансфьорда* – великан, живший в Офотфьорде на севере Норвегии.
- 71 *рукавицы: у них такое свойство, что тот, на чьи руки они надеты, никогда не испытывает недостатка в силе* – Как и явление чудесной помощницы – распространенный сказочный мотив; можно, однако, вспомнить атрибуты Тора: пояс силы и железные рукавицы.
- 72 *не придется насладиться друг другом из-за твоей веры* – Орм не может взять Менглёд в жены, поскольку он христианин, она же, будучи дочерью великана, не может стать христианкой.
- 73 *меч, на котором были насечены тайные знаки* – Употребленное в оригинале слово (*málaǰágr*) может обозначать как меч с рукоятью, украшенной резьбой, так и оружие с вырезанными на нем магическими рунами. Соответственно и поступок героя, положившего меч при входе в пещеру, допускает разные толкования: Орм мог либо попросту избавиться от меча, поскольку он был бесполезен в поединке с троллями, либо закрыть им вход в пещеру, дабы не подвергнуться нападению с тыла или не дать бежать Бруси и его матери.
- 74 *ухватился за его бороду обеими руками ... до самых костей* – О параллели к этой сцене в “Саге об Оуде Стреле” (гл. 23) см. в статье.
- 75 *вырезал у него на спине кровявого орла... вытащил легкие* – Об этом якобы существовавшем в эпоху викингов обычае см. в статье.
- 76 *после битвы при Свёлде* – Морское сражение при о. Свёлд (по-видимому, в проливе Эресунд) в 999 или 1000 г., в которой пал Олав Трюггвасон, самая

- знаменитая битва в истории Норвегии. Противниками норвежского правителя и победителями в ней были датский конунг Свейн Вилобородый (ок. 986–1014), шведский конунг Олав (994–1022) и сыновья норвежского ярла Хакона Могучего, Эйрик (ум. ок. 1023 г.) и Свейн.
- 77 *с Эйриком ярлом... в Хладире* – Среди норвежских земель, отошедших ярлу Эйрику в результате победы над Олавом Трюггвасоном, был Трандхейм с расположенной в нем старинной резиденцией Хладирских ярлов. Хотя после гибели конунга Олава Норвегия была поделена между всеми победителями, фактическим правителем в ней в 1000–1013 гг. был ярл Эйрик.
- 78 *отвел ему место на главной скамье поближе к выходу* – Ярл усаживает Орма на скамью, посреди которой находилось почетное сиденье, занимаемое самим правителем, однако отводит ему место подальше от себя, не оказывая ему, таким образом, того уважения, на которое он рассчитывал. Замкнутость Орма поэтому может объясняться не только тем, что он, как явствует из дальнейшего, был приверженцем Олава Трюггвасона, но и его уязвленной гордостью.
- 79 *победа над Змеем* – Великий Змей, корабль Олава Трюггвасона, самый большой боевой корабль, когда-либо построенный в Норвегии. По сообщениям саг, на нем было 34 скамьи для гребцов (против обычных 20-ти), причем на каждой полускамье сидело по восемь человек, 30 человек находились на корме. “Это был корабль с драконьей головой на носу... голова и хвост дракона были целиком позолочены, а борт был так же высок, как на морских кораблях” (КЗ, 152).
- 80 *взял толстенную палицу длиной в тринадцать локтей* – В средневековой Исландии локоть равнялся 48 см, так что палица, которой запасся Орм, достигала внушительных размеров. Употребленное в оригинале наименование этого орудия (*berlings-áss*) больше нигде не встречается, вероятнее всего, речь идет о корабельной принадлежности, рее или шесте (ср. современное шведское *bärling* – наименование длинного шеста, которым отталкивают от пристани корабль). О параллелях к этому эпизоду пряди см. в статье.
- 81 Этот подвиг Орма прославляется в одной из строф “Драпы об исландцах” скальда Хаука Вальдисарсона (XII или XIII в.); см. об этом в статье.
- 82 *Эйнар* – Эйнар Брюхотряс, сын Эйндриди (ум. 1050 г.), могущественный норвежец, зять ярла Эйрика, неизменный персонаж королевских саг, повествующих о событиях первой половины XI в., а также целого ряда прядей. О связанном с его именем эпизоде пряди см. в статье.
- 83 *ездил по пирам* – В обязанности норвежских бондов входило устраивать “вейцлы” (*veizla*), угощения для государя и его дружины. Правитель разъезжал по стране, посещая пиры, бывшие необходимым средством не только прокормления дружины, но и социального общения населения с государем.
- 84 *в то место, где был разрушен Великий Змей* – После битвы при Свёлде Великий Змей достался ярлу Эйрику, сыну Хакона. В “Большой Саге об Олаве Трюггвасоне” сообщается, что вскоре после возвращения ярла в Норвегию корабль был разрушен по его приказу, поскольку имел крен.

РАССКАЗ ОБ ОРМЕ СИЛАЧЕ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

1

“ПРЯДЬ ОБ ОРМЕ сыне Сторольва” (“*Ráttir Orms Stórolfssonar*”) сохранилась в трех средневековых исландских рукописях. Наиболее ранняя из них – самое большое собрание королевских саг “Книга с Плоского Острова”, в котором рассказ об Орме включен в “Сагу об Олаве Трюгвасоне” (эта часть компиляции была написана в 1387–1388 гг. священником Йоуном Тордарсоном). Две другие рукописи относятся к более позднему времени. Это – созданная в середине XV в. GkS 2845, 4to и фрагмент AM 567 4to V, восходящий к концу XV в. (в последнем уцелели лишь начальные главы рассказа). В отличие от “Книги с Плоского Острова”, в рукописях XV в. прядь присутствует в качестве отдельного, не связанного с королевской сагой, повествования. При этом все три рукописи содержат одну и ту же редакцию “Пряди об Орме”: обнаруженные в них разночтения весьма незначительны и в основном сводятся к ошибкам переписчиков.

Помимо перечисленных средневековых рукописей, рассказ об Орме сохранился не менее чем в 26 поздних бумажных списках, что само по себе свидетельствует о его немалой популярности. О том же говорят и поэтические переложения истории Орма за пределами Исландии – две фарерские баллады (“*Ormar Tóraldsson kvæði*” – “Песнь об Орме Торальдссоне” и “*Brúsajøkils kvæði*” – “Песнь о великане Бруси”), записанные в конце XVIII в., а также две шведские баллады (“*Essbjörn Prude och Ormen Stark*” – “Эссбьёрн Горделивый и Орм Силач” и “*Ulf den Starke*” – “Ульв Силач”)¹, записанные в 1670–1680 гг.

Нет никаких сомнений в том, что “Прядь об Орме” – произведение довольно позднее и относящееся к так называемой постклассической эпохе в исландском сагописании, которая начинается на рубеже XIII и XIV вв. Созданные в XIV в. “саги об исландцах”, хотя и продолжают традиции предшествующего пе-

риода, в то же время обнаруживают немало существенных отличий от саг XIII в.² Прежде всего они нередко лишены того универсального сюжетного стержня, вокруг которого обычно выстраивалось повествование в классической саге, – чаще всего это уже не история распри, в которую вовлечены многие родовитые исландцы, но жизнеописание главного героя саги. На смену собственно “родовой”, или “семейной”, саге приходит сага биографическая. Соответственно изменяется и композиция саги. Постклассическая сага, как правило, представляет собой цепь эпизодов, объединенных лишь фигурой ее героя – человека, наделенного необычайной физической силой и выдающимися способностями, в которых ему нет равных среди окружающих. Ставя в центр повествования экстраординарного героя и описывая его приключения, “саги об исландцах” XIV в. постоянно прибегают к преувеличениям в изображении как характеров своих протагонистов, так и их поступков. Неудивительно, что эта склонность к гиперболизации, чрезмерному и небывалому нередко сопровождается введением в повествование откровенно нереального – сверхъестественного и фантастического, которое в целом играет в постклассической саге значительно более заметную роль, нежели в сагах предшествующего периода³. Не в последнюю очередь эти изменения были вызваны влиянием со стороны расцветающего в XIV в. жанра “саг о древних временах” (*fornaldarsögur*) – героических и одновременно изобилующих сказочной фантастикой историй о подвигах легендарных предков первых переселенцев в Исландию, к которым возводили свой род многие жители страны.

Эти черты постклассической саги разделяют с нею и отдельные “пряди об исландцах”, в их числе и “Прядь об Орме”, которые сочинялись или обретали свою окончательную редакцию в тот период. С той только разницей, что поскольку пряди – произведения малой формы, история главного героя представлена в них не во всех подробностях, но фрагментарно: его жизнеописание включает в себя избранные эпизоды, призванные раскрыть характер героя и поведать о том, что его прославило. Вместе с тем с саговой традицией XIV столетия “Прядь об Орме” связывают не только общая для них биографическая направленность,

выбор героя-богатыря или пристрастие к чрезмерному и небывалому. Между рассказом об Орме и рядом саг этого времени обнаруживаются и непосредственные литературные (а порой и текстуральные) связи: как оказывается, эта прядь изобилует заимствованиями, причем не только из “саг об исландцах”, но и из легендарных “саг о древних временах”. Именно, благодаря многочисленным нитям, тянущимся от рассказа об Орме к таким произведениям, как “Сага о Греттире” или “Сага об Одде Стреле”, и стало возможным датировать прядь. Предполагается, что она была создана незадолго до появления “Книги с Плоского Острова” – в середине или последней трети XIV в.

Подобно большинству героев исландских саг, Орм сын Сторольва – лицо, по всей видимости, не вымышленное. В составленной в XII–XIII вв. “Книге о заселении страны” (“Landnámabók”), в которой перечисляются все исландские первопоселенцы (более четырех сотен человек) и их потомки, упоминается и знатный выходец из северной Норвегии Кетиль Лосось (в пряди он фигурирует под своим прозвищем), дед Орма, как считается, прибывший в Исландию ок. 890 г., а также члены его семьи. Там же приводится и генеалогия Кетилия Лосося, ведущего свой род от прославленного тезки – легендарного героя Кетилия Лосося с Храфнисты. О последнем сохранилась одноименная сага, входящая в особый цикл “саг о древних временах”, который принято называть “сагами о людях с Храфнисты” (Hrafnistumanna sögur), – рассказчик “Пряди об Орме” немало почерпнул из него для своей истории, стремясь изобразить Орма достойным отпрыском знаменитых богатырей. Помимо “Саги о Кетиле Лососе” в этот цикл входят “Сага о Гримере Бородатом”, “Сага об Одде Стреле” и “Сага об Ане Лучнике”, герои которых – потомки Кетилия. К этому же роду принадлежали и многие именитые исландцы, в том числе величайший скальд X в. Эгиль сын Скаллагрима (не случайно “Сага об Эгиле” послужила тем источником, из которого автор “Пряди об Орме” позаимствовал рассказ о прибытии Лосося в Исландию).

При упоминаниях Орма в “Книге о заселении страны”, а также в других текстах, созданных прежде, чем была написана прядь, среди них – “Сага о Ньяле” и “Сага об Эгиле”, его имя не-

изменно сопровождает прозвище Могучий (inn sterki). Таким образом, репутация Орма как человека, наделенного богатырской силой, должна была восходить к отдаленным временам и скорее всего опиралась на какие-то устные предания. Так, в более ранней, чем рассказ об Орме, “Саге о Греттире” есть сообщение, как будто бы прямо отсылающее читателя к одной из сцен пряди: “...большинство людей <...> считает, что Греттир был самый сильный человек в Исландии с тех самых пор, как тягались силой Орм сын Сторольва и Торальв сын Скольма” (ИС I, 699). Однако, учитывая несомненное знакомство автора “Пряди об Орме” с этой сагой, нельзя исключить и вероятности обратного – того, что за якобы произошедшим на тинге и описываемым в гл. 4 пряди состязанием между Ормом и Торальвом не стояло никакого устного предания и оно, напротив, было выдуманно рассказчиком в качестве “иллюстрации” процитированного замечания из “Саги о Греттире”⁴. Это тем более возможно, что, согласно внутренней хронологии пряди, ее герой должен был появиться на свет примерно в 960 г. (эта же дата вписана на полях текста пряди в “Книге с Плоского Острова”): ему было 30 лет, когда он впервые отправился в Норвегию, а это произошло за четыре года до вступления на престол Олава Трюггвасона (995 г.). Но если так, то мог ли уже немолодой Торальв Могучий сын Скольма, о котором известно, что он сражался вместе с конунгом Законом Воспитанником Адальстейна в битве при Фитьяре ок. 960 г.⁵, и в самом деле тягаться силой с 20-летним Ормом в 980 г.?

Хронологические несообразности – едва ли не самая большая трудность, встающая перед исследователями рассказа об Орме. Дело в том, что если, как это утверждается в разнообразных источниках, ее герой действительно приходился внуком Кетилю Лосося, переселившемуся в Исландию ок. 890 г.⁶, то он никак не мог появиться на свет многим позднее 930 г.⁷, из чего следует, что все свои богатырские подвиги в Норвегии Орм сын Сторольва должен был совершать уже в весьма преклонном возрасте! Между тем, как уже было сказано, прядь относит рождение Орма на 30 лет позднее и как будто бы не без оснований. В произведении, временем сочинения которого принято считать

XIII или даже XII столетие, т. е. созданном задолго до “Пряди об Орме”, содержатся сведения об одном достопамятном событии, имевшем место в Норвегии никак не раньше 1000 г. В строфе 15 “Драпы об исландцах” скальда Хаука Вальдисарсона⁸ дословно говорится следующее: «Погоняющий Тротт (т. е. Один) оленя волн (= трехчленный кеннинг мужа, где “олень волн” = корабль), Орм сын Сторольва, вызвал на поединок четверых и восьмерых людей ярла; великолепный Эйрик, храбрый в обращении с мечом, велел мужам остерегаться, когда разоритель огня фьорда (= муж, т. е. Орм; “огонь фьорда” = золото) принялся размахивать реей (áss) перед воинами»⁹. Если отвлечься от того обстоятельства, что в соответствующем эпизоде пряди число противников Орма возросло в пять раз, нельзя не заметить, что все остальные детали совпадают. Это – единственный подвиг Орма, который удостоверяется более ранним и независимым от пряди источником, и, по сути дела, единственное наполненное конкретным содержанием свидетельство бытования неких устных преданий об этом герое, имевших хождение до того, как о нем был создан письменный рассказ.

Впрочем, нельзя исключить, что существовали и иные – причем уже записанные ранее – сообщения об Орме, предшествовавшие появлению пряди: не забудем, что ее автор ссылается на некое неизвестное сочинение “Перечень исландцев” (“Íslendingaskrá”), в котором якобы содержался рассказ о том, как Орм отомстил за своего отца. Описывались ли в этой утраченной книге и прочие подвиги Орма? Вопрос так и останется без ответа. Однако тот факт, что рассказчик зачастую переиначивал “под него” эпизоды, связанные с именами других героев, заставляет подозревать, что ко времени создания пряди в преданиях о подвигах Орма успели образоваться значительные пробелы.

“Прядь об Орме” явственно распадается на три части: в первой описываются детские и юношеские подвиги героя в Исландии (гл. 1–4); во второй, в которой рядом с Ормом появляется его побратим Асбьёрн, рассказывается об их совместных викингских походах, гибели Асбьёрна и прославившей Орма победе над великанами (гл. 5–9); третья посвящена пребыванию героя в Норвегии при дворе ярла Эйрика (гл. 10–11).

Повествование в начальных эпизодах рассказа наглядностью изображения и живостью разыгрывающегося здесь сценического действия, а также вниманием рассказчика к реалиям повседневной жизни и хозяйственных забот исландского бонда, весьма напоминает “семейную сагу”. На взгляд современного ценителя древнеисландской прозы, наибольшего интереса заслуживает именно эта часть пряди, а вовсе не поражавшие воображение средневековой аудитории (и на протяжении всего XX столетия ученых-германистов) описания столкновений героев с великаном Бруси и чудовищной кошкой в центральных главах истории.

Рисуемый рассказчиком образ своевольного юного героя, с неохотой выполняющего работу, к которой его пытается приспособить старик-отец; неприязнь к нему отца, считающего, что отпрыск его мало к чему пригоден и не подает больших надежд, и, напротив, любовь матери, – все это сказочные мотивы, встречающиеся и во многих сагах. Однако в исландских эпизодах “Пряди об Орме”, помимо универсальной фольклорной основы, за ними просматриваются и ближайшие литературные образцы. Как было давно замечено¹⁰, детские выходки Орма немало напоминают проделки Греттира, который ребенком также плохо ладил со своим отцом (будучи любимцем матери) и чья работа в родительской усадьбе неизменно наносила ущерб хозяйству. Хотя детали первых подвигов обоих героев и различны (в отличие от оруduющего косою Орма, Греттир то пасет гусей и лошадей, то трет спину отцу у очага), о том, что автор пряди, описывая поведение своего героя, во многом опирался на соответствующие сцены “Саги о Греттире” (гл. 14), свидетельствуют прямые вербальные совпадения в диалогах отца и сына.

Вместе с тем, прообразом для двух первых эпизодов истории об Орме, вне всякого сомнения, послужили и рассказы о детских подвигах предка протагониста пряди, Кетиля Лосося, о которых сообщается в начальной главе одноименной саги. Отсюда автор пряди мог почерпнуть и некоторые конкретные детали. Так, в “Саге о Кетиле Лососе” отец также заставляет юного героя убирать сено, а тот обнаруживает необычайную для своих лет силу

и сноровку, за день собрав с двух лугов сено, которого хватило на восемь стогов. При этом нельзя не отметить, что тогда как в саге рассказ об уборке сена укладывается всего лишь в несколько строк, в пряди он разворачивается в целую сцену. Впрочем, кое-какой материал для этой сцены рассказчик пряди, по всей видимости, также позаимствовал из истории о Кетиле Лососе: плачевно закончившееся для старика Сторольва падение со стога явно напоминает аналогичное происшествие, описанное в другом эпизоде саги, где Кетиль, как и Орм, подбадриваемый попреками отца, с такой силой сталкивает лодку в воду, что старик Халльбьёрн чуть не вываливается на каменистый берег, едва “не поломав себе все кости”. И все же, создавая весьма схожий с “Сагой о Кетиле Лососе” образ юного богатыря, наделенного традиционным набором качеств малообещающего героя (лень, своеволие, строптивость), автор пряди считает необходимым, по крайней мере в одном отношении, провести различие между Ормом и персонажами, подобными его предку Кетилю Лососю. Любимым занятием последнего – классического сказочного увальня-“запечника” – было проводить дни, валяясь у очага, “подперев голову одной рукой”, а другой мешая огонь, за что в детстве его прозвали Дураком с Храфнисты. Орм же, как спешит сообщить автор пряди, “был не из тех, кто валяется у очага”.

Что же до эпизодов, описывающих юношеские подвиги героя (гл. 3–4), то, насколько нам известно, им не находится прямых аналогий в сагах. Пожалуй, именно в этих сценах ярче всего проявляется характерное для рассказа в целом соединение постоянных преувеличений со скрупулезной точностью. Нелегко припомнить другую историю, где бы рассказчик с такой дотошностью сообщал читателю размеры и вес предметов, поднимаемых его героем, количество металла, дерева или конского волоса, пошедших на изготовление орудий и приспособлений, которыми он пользовался, число “трудодней”, необходимых для выполнения работы, с которой он справлялся за день и т. п. Побуждая тем самым читателей дивиться богатырской силе Орма, автор пряди в то же время обнаруживал такую осведомленность о всех подробностях подвигов своего героя, что у аудитории не должно было закрадываться сомнений в подлинности сообщаемых им фактов.

Если повествование в начальных четырех главах “Пряди об Орме” более всего напоминает “саги об исландцах”, то вторая ее часть демонстрирует наибольшее сходство с легендарными “сагами о древних временах”. Главное отличие от последних состоит в том, что описываемые здесь события происходят не в неопределенные стародавние времена, а в историческое время – в последнее десятилетие X в. – и, соответственно, соотносены с правлением вполне реальных норвежских государей: ярла Хакона из Хладира и Олава Трюгвасона. Нельзя не заметить и другой связанной с этим особенности повествования второй части пряди. При том, что с перемещением героя в чужое пространство его приключения, казалось бы, приобретают откровенно невероятный характер, рассказчик явно озабочен тем, чтобы не утратить доверия читателя. С этой целью для удостоверения сообщаемого он прибегает к приему, использовавшемуся и в первой части пряди: вводит в текст имена исторических лиц или, точнее сказать, имена, почерпнутые из исторических источников. Тогда как побратим главного героя, Асбьёрн, и его отец Вирфиль, скорее всего, вымышленные персонажи, имена *всех* их родичей, упомянутых в пряди, известны либо из “королевских саг”, либо из “Книги из заселения страны”, т. е. из сочинений, надежность которых заведомо не ставилась под сомнение.

Особого внимания заслуживают здесь имена двоюродных братьев Асбьёрна, принимающих его на севере Норвегии, – Эйвинда Ужа и Бергтора Бестиля, поскольку они прямо адресуют нас к тому источнику, из которого они попали в прядь. Источник этот – перечень защитников Великого Змея, содержащийся в разных редакциях “Саги об Олаве Трюгвасоне”, и в нем – как затем и в пряди – эти имена неизменно присутствуют в качестве нерасторжимой пары. Как предположил издатель “Пряди об Орме” Э. Фолкс¹¹, имя Асбьёрн также могло быть подсказано рассказчику пряди этим перечнем: в списке воинов, бывших с конунгом на Великом Змее уже в самой ранней версии жизнеописания Олава, принадлежащей перу монаха Одда Сноррасона (ок. 1190), значится некий Асбьёрн с Мостра. Асбьёрн – имя отнюдь не ред-

кое, и этот защитник Великого Змея едва ли привлёк бы к себе внимание, если бы не любопытный факт: вместо него в том же перечне в “Саге об Олаве Трюгвасоне” в “Круге Земном” появляются *Асбьёрн* и *Орм*, которых, по-видимому, не без оснований принято отождествлять с нашими героями¹² (на деле ни один из них, как следует из их истории, не был участником битвы при Свёлде). Опиравшийся на сочинения как монаха Одда, так и Снорри Стурлусона, составитель позднейшей “Большой саги об Олаве Трюгвасоне”, вошедшей затем в “Книгу с Плоского Острова”, в которую, напомним, и был вплетен рассказ об Орме, восстановил в перечне Асбьёрна с Мостра, возможно, косвенно подтвердив тем самым вероятность ассоциации между “тезками” – парой загадочных имен в перечне воинов Олава и героями рассказа об Орме. Но если так, то гипотеза Фолкса о сугубо “книжном” происхождении побратима Орма несостоятельна хотя бы уже потому, что рукопись “Круга Земного”, в которой произошла эта многозначительная замена имен, старше известной нам версии “Пряди об Орме” более чем на целое столетие. Либо появление пары “Асбьёрн и Орм” в “Круге Земном” – всего лишь случайная описка, за которой не скрывалось никаких аллюзий на историю “соименников” этих фиктивных персонажей, либо нам ничего не остается, как признать, что история столкновений Асбьёрна Горделивого и Орма Силача с великанами не была от начала и до конца выдумана рассказчиком пряди, но восходит к устному преданию и, в частности, могла быть известна Снорри Стурлусону, которого с Ормом связывало отдаленное родство.

Мы не случайно уделили столько места казусу, приключившемуся с, казалось бы, посторонним текстом. Помимо соединения двух имен, Асбьёрн и Орм, в “Круге Земном”, в котором, возможно, скрывался невнятный намек на некое бытовавшее до появления пряди сказание об этих двух героях, – сказание, где, как естественно предположить, шла речь об их столкновениях с великаном Бруси, – нет ни единого свидетельства в пользу того, что центральные эпизоды “Пряди об Орме” могут опираться на дописменную традицию и, стало быть, восходить к чему-то более глубокому, чем ближайшие литературные образцы. Между тем довольно широкую известность среди германистов этот рас-

сказ снискал именно благодаря постулируемой древности содержащегося в нем описания схватки героя с великаном и чудовищем. “Прядь об Орме” издавна входит в круг исландских текстов, с помощью которых пытаются отыскать скандинавские корни сказания, лежащего в основе древнеанглийской поэмы “Беовульф”.

Параллели между центральным эпизодом пряди, в котором рассказывается о сражении Орма с исполинской кошкой, а затем и ее сыном, великаном Бруси, с одной стороны, и эпизодами “Беовульфа”, повествующими о поединках его героя с Гренделем и его матерью, – с другой, были впервые замечены в конце XIX в. Шюком¹³ и со временем сделались общим местом в продолжающейся уже больше века дискуссии о происхождении англосаксонского эпоса. Здесь, разумеется, не место вдаваться в сюжетные подробности хорошо известной поэмы. Достаточно сказать, что единственная бесспорная аналогия между “Беовульфом” и “Прядью об Орме” – это родственные отношения между чудовищами: в обоих случаях это мать и сын. В остальном же сходства между этими произведениями минимальны и едва ли способны указывать на наличие какой бы то ни было связи (читатель может судить сам: оба героя, готовясь к поединку с чудовищами, расстаются со своим оружием, поскольку оно бессильно против всякого рода нечисти, – универсальный сказочный мотив, к тому же встречающийся и в других древнеисландских текстах; обоим витязям удастся выстоять в бою лишь с Божьей помощью – появление этого широко используемого христианского мотива в традиции об Орме заведомо не может быть отнесено к стадии предполагаемого “прасказания”, поскольку “Беовульф” был записан прежде, чем началось крещение Скандинавии).

Тогда как сходжений между “Прядью об Орме” и “Беовульфом” явно недостаточно, чтобы говорить об их родстве (что, в частности, признавал и исследователь древнеанглийской поэмы Р.У. Чемберс¹⁴), расхождений гораздо больше, и они вполне способны свидетельствовать против такого предположения. В отличие от “Беовульфа”, где герой вынужден вступить в поединок с чудовищем, повадившемся в человеческое жилище, в “Пряди об Орме” герои сами являются нежеланными гостями в жилище ве-

ликанов. Важнейший мотив, собственно, и заставивший искать скандинавскую праоснову сказания о Беовульфе, – это странное место обитания Гренделя и его матери: подводная пещера, путь в которую пролегает по скалам, а затем в пучине вод, тогда как в рассказе об Орме великаны оказываются островными жителями и все действие разворачивается не под водой, а на суше. Можно, наконец, указать и на другие различия. На то, например, что тогда как Беовульф отрывает Гренделю лапу, после чего тот отправляется подышать восвояси, а затем сносит голову его матушке найденным в пещере мечом (оба мотива хорошо известны), Орм расправляется с троллями другими способами: переламывает хребет исполинской кошке, а для Бруси изобретает такую казнь, которой нигде и никогда больше не подвергался ни один великан...

Читатель вправе задаться вопросом: отчего же в таком случае рассказ об Орме был причислен к историям, в которых усматривают связь с “Беовульфом”? Дело в том, что прообразом описываемого в “Пряди об Орме” столкновения ее героя с великанами издавна принято считать эпизод в Песчаных Холмах из “Саги о Греттире” (гл. 64–66)¹⁵, в котором Греттир сперва вступает в единоборство с вторгшейся в дом свирепой великаншей и, лишив ее руки, сбрасывает в водопад, а затем, проникнув в расположенную под водопадом пещеру, побеждает огромного великана. Тогда как параллели между Греттиром и Беовульфом довольно прозрачны (хотя и не обязательно должны объясняться их родством), сходство между подвигами, совершаемыми Греттиром и Ормом, вряд ли выходит за рамки самой общей аналогии, основанной на использовании одного и того же традиционного мотива борьбы героя с великанами: нетрудно заметить, что оно не поддерживается никакими деталями¹⁶. Эпизоды подобного рода в изобилии встречаются в легендарных сагах, с которыми “Прядь об Орме” связывает множество параллелей, в том числе и вполне конкретных. Главное же: из того факта, что рассказчик этой пряди был не только знаком с “Сагой о Греттире”, но и прямо опирался на нее, описывая детские выходки Орма, вовсе не следует, что он непременно должен был взять ее за образец также и в повествовании о заморских приключениях своего героя. Есть немало доказа-

тельств того, что, излагая эту часть истории, он в первую очередь ориентировался на “саги о древних временах”.

Уже начальный эпизод второй части рассказа – пророчество вельвы, предостерегающей Асбьёрна от посещения северной Норвегии, прямо отсылает нас к аналогичной сцене “Саги об Одде Стреле” (гл. 2), в которой Одду, вопреки его желанию, приходится выслушать от провидицы Хейд предсказание о том, что после своих многолетних странствий он погибнет у себя дома, в Берурийоде, от укуса змеи, выползшей из черепа его коня Факси (ср. сказание о вещем Олеге). Все здесь указывает на то, что рассказчик пряди взял за образец именно эту сагу: подобно Одду Стреле, Асбьёрн проявляет враждебность к провидице и отказывается ей верить; оба героя получают предсказание, что их ждет гибель в определенном месте, и, соответственно, наставление избегать его, оба не могут противиться желанию проверить истинность пророчества и в конце концов устремляются навстречу своей судьбе. О том, что эпизод пряди восходит непосредственно к эпизоду саги, свидетельствует и сходство цитируемых в них вис (ср. стихи, обращенные к Одду вельвой Хейд: “Сколько б ни плавал ты / по широким фьордам / и ни пересекал / длинные заливы, / даже если на тебя / будут накатывать волны, / все равно быть тебе сожженным / в Берурийоде”)¹⁷.

Викинские походы, подобные описанным в гл. 6 пряди, в которых герои, возглавив несколько десятков или даже сотню-другую воинов, захватывают добычу и легко завоевывают целые страны, приобретая тем самым громкую славу, а затем столь же легко расстаются с покоренными ими землями, отправляясь на поиски новых приключений, – обычная тема легендарных саг, а потому искать для этих подвигов Орма и Асбьёрна конкретные прототипы было бы делом неблагодарным. Что же касается главных эпизодов этой части пряди (гл. 7–9), то почти все в них имеет литературные прообразы в “сагах о древних временах” и прежде всего опять-таки в “Саге об Одде Стреле”.

Нередко утверждают, что прототипом Асбьёрна является побратим Одда Стрелы Асмунд, павший от вражеской стрелы в Ирландии. Однако у Одда были и другие побратимы, и обстоятельства гибели одного из них, Торда по прозвищу Блеск Штевня,

предательски сраженного викингом Эгмундом Убийцей Эйтвова, в большей степени напоминает трагическую судьбу побратима Орма. Движимый жаждой мести, Одд Стрела пускается на поиски Эгмунда и из рассказа случайно повстречавшегося ему мудрого путника (как следует из намеков автора саги, – самого Одина) узнает об истинном естестве своего заклятого врага. Оказывается, что Эгмунд – полутролль и колдун, которого не берет никакое оружие и не в силах одолеть никто из людей. Он был произведен на свет королем Пермии Хареком и великаншей Гримхильд (заметим: до его рождения жившей под водопадом), которая впоследствии превратилась в свирепое чудовище – полу-женщину-полузверя (*finngálpn*: это слово использовалось также для обозначения кентавра) с человеческой головой, огромными клыками и когтями, и могучим хвостом.

Налицо целый ряд параллелей с “Прядью об Орме”: подобно Одду Стреле, наш герой ищет встречи с непобедимым троллем, чтобы отомстить ему за убийство своего побратима; подобно матери Эгмунда, мать Бруси – ужасный монстр, выступающий в зверином облике; наконец, подобно Одду, Орм получает сведения о своем враге-великане и его матери от нежданно явившейся ему сверхъестественной помощницы, причем в каждом случае рассказ помощника непосредственно предваряет встречу с чудовищем.

Уже в следующем эпизоде “Саги об Одде Стреле” (гл. 20) рассказывается о том, как в отсутствие героя более 60-ти его сошедших на берег спутников подвергаются нападению этого звероподобного чудовища и становятся его жертвами. Уцелевшие бегут на корабль, где оставался Одд, и просят его немедленно выйти в море, однако тот отказывается бежать и, отправившись на берег, вступает в поединок с великаншей. От ее острых когтей Одда спасает некогда сотканная для него ирландской принцессой чудесная рубаха, с которой он никогда не расставался, а с помощью принадлежащих ему волшебных стрел – “Подарков Гуси” ему удается покончить с чудовищем, после чего он сжигает его останки.

Нетрудно заметить, что обе сцены “Саги об Одде Стреле” использованы автором рассказа об Орме, однако если в саге они

следуют одна за другой, то в пряди они разведены. Сцена нападения чудовища на спутников героя отнесена к экспедиции Асбьёрна, причем и здесь дело происходит в отсутствие героя, добычей великанской кошки становятся десятки воинов, и всего лишь несколькими оставшимися в живых удается бежать на корабль и спастись. Сцене поединка между Оддом и матерью Эгмунда соответствует аналогичная сцена в пещере Бруси, в которой действует Орм. И хотя в ней немало отличий от сцены саги, поскольку рассказчик прибегает здесь к другому, характерному для историй, связанных с именем Олава Трюггвасона, мотиву божественного вмешательства: от клыков и когтей матери Бруси Орма спасают не чудесные предметы, а вовремя принесенный обет совершить паломничество в Рим, – связь между двумя эпизодами не вызывает сомнений. Помимо “личности” чудовища, достаточно упомянуть три напрасно посланные в него Ормом стрелы: как известно, тремя знаменитыми волшебными стрелами владел не кто иной, как Одд Стрела.

Все изложенные здесь эпизоды “Саги об Одде Стреле”, послужившие прототипами для соответствующих сцен пряди, известны только из младшей редакции саги, относящейся к середине XIV в.: в более ранней редакции линия, описывающая историю многолетней вражды между Оддом и Эгмундом, в ходе которой каждый из них раз от разу несет все больший урон и лишается своих близких и сподвижников, отсутствует. Кульминацией в этой череде столкновений становится сцена сражения между Оддом и его побратимом Сирниром, с одной стороны, и Эгмундом и его родичами-великанами, с другой, завершившегося уже знакомым нам из “Пряди об Орме” лишением противника бороды и лица. Описание этого подвига в рассказе об Орме в основных деталях повторяет то, которое мы находим в саге, так что источник его в пряди очевиден¹⁸: схватив Эгмунда за бороду, Одд одним рывком вырывает ее целиком вместе с кожей “до самой кости”, срывая с нею и “все лицо, обе щеки и лоб до самой макушки”, после чего Эгмунд скрывается от него под землей¹⁹ (впоследствии Эгмунд никогда не расстается с маской, под которой прячет отсутствие лица). Нужно, однако, отдать должное автору пряди: заимствуя отдельные мотивы, а порой и вполне узна-

ваемые ситуации из легендарных саг, он обычно помещает их в собственную мастерски сработанную нарративную или сценическую “раму”, в которой они оказываются окруженными совершенно новыми деталями и свойственными классическому саговому повествованию наглядно представимыми, почти осязаемыми подробностями. Так, в “Саге об Одде Стреле” нет ничего, что даже отдаленно напоминало бы ту тщательно выстроенную рассказчиком пряди сцену, которая разыгрывается в пещере между Ормом и Бруси по обе стороны от разделяющей ее перегородки, с выманиванием противника, последующей борьбой и т. д. Не будет натяжкой сказать, что и в этой части пряди, в сюжетном отношении наиболее приближенной к “сагам о древних временах”, ее рассказчик продолжает вести повествование в традиционной манере “саг об исландцах”.

Наряду с прямыми литературными параллелями, отсылающими к вполне конкретным источникам, свидетельством чему служит совпадение характерных деталей, нередко сопровождающееся и текстуальными соответствиями, в “Пряди об Орме” немало традиционных мотивов, присутствующих во множестве произведений. Нельзя не упомянуть в этой связи появление дружелюбно настроенной по отношению к герою родственницы Бруси, Менглэд, чей сказочный дар – чудесные рукавицы (ср. аналогичный мотив в “Саге о Золотом Торире”, гл. 3) оказывается незаменимым в сражении с великаном. Впрочем, тогда как отведенная Менглэд роль сводится к функции фольклорной помощницы, имя ее отсылает читателя к двум поздним эддическим песням – “Речам Многомудрого” (“Fjölsvinnsmál”) и “Заклинаниям Гроа” (“Grógaldr”), где оно принадлежит красавице-невесте (как иногда предполагают, Фрейе), охраняемой свирепым великаном, которую добывает герой Свипдаг. Аналогичным образом, упомянутое в рассказе Менглэд имя ее (и Бруси) отца – великана Офотана из Офотансфьорда известно из “Саги о Кетиле Лососе”: рассказчик пряди и здесь не отступает от избранной им тактики использовать знакомые аудитории имена. Нет нужды искать конкретные источники и для таких широко распространенных в древнеисландских текстах общих мест, как переламывание хребта чудовищу или сожжение трупов великанов (оче-

видно, дабы воспрепятствовать их вредоносному “хождению” после смерти), или уже отмечавшийся выше христианский мотив принесения обета святому и самому Господу, неизменно обеспечивавшего герою победу в единоборстве со сверхъестественным противником (отметим, что весь этот комплекс разнородных мотивов присутствует также и в “Пряди о Торстейне Бычья Нога”, о герое которой еще будет упоминаться в дальнейшем).

Особого внимания заслуживают изображаемые в “Пряди об Орме” необычайно жестокие и изощренные казни, которые происходят в пещере великана. Ни одна из них, конечно же, не является изобретением рассказчика этой истории: как описание мучительной экзекуции, которой Бруси подверг Асбьёрна, так и страшная казнь самого Бруси, учиненная Ормом в отместку за его изуверство, восходят к известным литературным образцам. Другой – и вовсе не праздный – вопрос: стояла ли за рассказами об этих истязаниях какая-нибудь реальность?

Описание казни Асбьёрна, расстающегося с жизнью во время “смертельной прогулки” вокруг столба, на который постепенно наматываются его внутренности, в точности соответствует описанию казни викинга Бродира, убийцы ирландского короля Бриана, в так называемом Клонтарвском эпизоде “Саги о Ньяле”, гл. 157 (ИС II, 363). Аналогичный эпизод содержится в целом в отрывке из “Саги о Торстейне сыне Халля с Побережья” (предполагается, что составители обеих саг почерпнули его из одного источника – утраченной саги о Бриане). Поскольку сцена умерщвления Бродира – единственная известная параллель к эпизоду “Пряди об Орме” в исландской традиции, принято считать, что именно она и послужила прообразом для казни Асбьёрна. Вероятнее всего, так и есть, однако не может не броситься в глаза разница между обоими персонажами. Бродир – не просто убийца святого короля, но и “предатель Бога”, вероотступник, прежде бывший диаконом (о его христианском прошлом красноречиво говорит и его имя или, скорее, прозвище – “брат”), для которого мучительная казнь становится расплатой за совершенные им злодеяния; Асбьёрн же, напротив, – благородный герой, наделенный всевозможными достоинствами, а потому для него та же казнь оказывается незаслуженной мукой, которую он при-

нимает с завидным бесстрашием и мужеством. Имел ли рассказчик пряди в виду какие-нибудь иные ассоциации, связанные с этой экзекуцией, выбирая ее для такого героя, как Асбьёрн, или его привлекла исключительно ее крайняя жестокость? Разумеется, этот вопрос остается без ответа, но, как бы то ни было, приходится иметь в виду, что сопровождавший средневековые описания этой казни круг вполне определенных ассоциаций, так и не нашедших сколько-нибудь явного отражения в исландских текстах, тем не менее мог сыграть какую-то роль и при создании данного эпизода пряди.

Вопреки иногда встречающимся утверждениям о том, что дошедшие до нас сведения об этой жестокой расправе отражают реальную практику, причем весьма распространенную в средневековой Европе²⁰, надежных подтверждений тому, что пытки такого рода применялись в действительности, не обнаружено. Описание этого способа казни известны преимущественно из церковной агиографии и связанной с ней иконографии (ср. страсти св. Эразма), откуда они, по всей видимости, и черпались авторами иных средневековых сочинений, как, например, сообщение в “Славянской хронике” (“*Cronica Slavogum*”, кн. I, гл. 52) Гельмольда (начало XII в.) о муках, причиняемых христианам ваграми и лабанами. Согласно Якобу Гримму, в позднее Средневековье в судебных актах разных областей Германии казни такого рода (*exenterare*) предписывалась в качестве наказания за порчу коры деревьев и кражу плуга, однако, по его же сообщению, нет ни одного упоминания, которое свидетельствовало бы о назначении или исполнении такой экзекуции²¹. Так что, вполне вероятно, и эти юридические записи опирались не на гипотетические древние обычаи (культовые жертвоприношения), о которых не сохранилось иных сведений, а на ученую традицию.

Предполагается, что в Скандинавии этот мотив стал известен именно из церковной литературы и был занесен туда из Англии, где он впервые засвидетельствован в начале XII в. в “Истории англосаксов” (“*L’Estoire des Engleis*”) Жеффрея Гаймара в описании казни сына короля Этельреда II Альфреда Этелинга (1036 г.). В отличие от его изображения в других сочинениях (в том числе в “Англосаксонской хронике”), у Жеффрея Гаймара сообщение об

этом событии оказалось расцвечено уже знакомыми нам ужасающими подробностями хождения вокруг дерева, почерпнутыми из житий святых страстотерпцев. В дальнейшем при создании во второй половине XII в. латинского “Жития св. Альбана и св. Амфибала” Уильяма Сент-Альбанского это описание казни Альфреда Этелинга послужило образцом для изображения смертных мук вновь обретенного святого – Амфибала. Как было установлено, появление культа св. Амфибала основано на недоразумении: фраза *sub sancti abbatis amphibalo* (“под облачением святого аббата”) в рукописи “Истории королей Британии” Гальфрида Монмутского была ошибочно истолкована и скопирована как *sub sancto abbate amphibalo* (“под святым аббатом Амфибалом”), вследствие чего из священнического одеяния вышел новоявленный святой²². Судя по всему, именно к описанию страстей св. Амфибала и восходят известные нам эпизоды “смертной прогулки”, появляющиеся в исландской литературе XIII–XIV вв. В Норвегии (а затем и в Исландии) житие этого фиктивного святого, по-видимому, получает известность в середине XIII в. благодаря английскому хронисту Матвею Парижскому, монаху Сент-Альбанского монастыря и автору англо-нормандской поэмы “*La Vie de Seint Auban*”, живописующей мученическую смерть св. Амфибала. Известно, что в 1248 г. Матвей Парижский был направлен в Норвегию в качестве папского посланца и посетил бенедиктинские монастыри на Хольме (рядом с Нидаросом) и в Селье, откуда происходит относящееся к этому времени изображение страстей св. Амфибала²³. Такова в самых общих чертах и лишь в той мере, в которой она вообще поддается реконструкции, история проникновения описания этого, судя по всему, сугубо книжного способа предания смерти в средневековую исландскую литературную традицию.

Ничуть не менее примечательны обстоятельства появления в ней и изображения той экзекуции, которой в “Пряди об Орме” подвергается Бруси. Можно почти не сомневаться в том, что также к ошибке – на этот раз не средневекового писца, а интерпретатора скальдических стихов – восходит и получившее широкое распространение (в том числе далеко за пределами Скандинавии) представление об одном из самых жестоких обычаев викингов –

так называемом “кровавом орле”: согласно описаниям этого обычая, орла изображали вынутые из рассеченной спины и оттянутые в виде крыльев ребра предаваемого смерти. Долгое время считалось, что такой вид казни действительно практиковался в эпоху викингов и был связан с жертвоприношением Одину (последний, как известно из эддической мифологии, мог выступать в обличье орла).

Помимо “Пряди об Орме” упоминания об этой экзекуции содержатся еще в семи средневековых скандинавских текстах: в “Деяниях датчан” Саксона Грамматика (кн. IX. v), “Саге о Рагнаре Лодброкке” (гл. 17) и “Пряди о сыновьях Рагнара” (гл. 3) – во всех случаях речь идет о мести английскому королю Элле за убийство Рагнара; в “Саге об оркнейцах” (гл. 8) и “Саге о Харальде Прекрасноволосом” (гл. 32) в “Круге Земном” – в обеих сагах рассказывается о расправе над Хальвданом Высоконогим, сыном Харальда Прекрасноволосого, учиненной оркнейским ярлом; в эддических “Речах Регина” (строфа 26)²⁴ и в основанном на этой песне эпизоде “Пряди о Норна-Гесте” (гл. 6) – здесь говорится о мести Люнгни, сыну Хундинга, взятому в плен Сигурдом. Существенно, что ни один из этих письменных памятников не старше конца XII в., так что содержащиеся в них описания “кровавого орла” (нередко повторяющиеся почти дословно) относятся к эпохе, когда об обычаях викингов сохранились одни лишь предания, а сами эти обычаи, как и вся скандинавская старина, стали объектом возрождающегося в это время антикварного интереса к языческой древности. Судя по всему, во всех перечисленных текстах изображения этой жестокой расправы восходят к одному источнику, а именно к рассказу о мести сыновей Рагнара Лодброка королю Англии, рассказу, в свою очередь опирающемуся на более раннее поэтическое “свидетельство” – процитированную вслед за описанием казни Эллы и призванную удостоверить его истинность полустрофу из “Драпы о Кнуте” скальда Сигвата Тордарсона, которая была сложена около 1038 г.

Как убедительно показала Р. Франк, ошибочная интерпретация этих стихов автором “Саги о Рагнаре Лодброкке” (а вслед за ним и позднейшими комментаторами) привела к тому, что во вполне традиционное для скальдической поэзии и совершенно

условное описание поверженного в бою противника, чью плоть терзают когтями и клювами вороны и орлы – “птицы битвы” (Ok Ellu bak, / at lét hinn’s sat, / Ívarr, ara, / Íórvík, skorit. – букв.: “И Ивар, что жил в Йорке, дал орлу резать спину Эллы”), без каких-либо на то оснований было вчитано новое и еще более зловещее содержание: “Ивар велел вырезать на спине Эллы орла”²⁵. Таким образом, всего вероятнее, что приписываемого викингам кровавого обычая никогда не существовало в реальности, а все последующие сообщения о нем – не что иное, как результат “тиражирования” ошибки, допущенной автором одной из саг...

Есть основания полагать, что рассказчик “Пряди об Орме” воспринял мотив “кровавого орла” непосредственно из истории о Рагнаре Лодброкке (скорее всего из “Пряди о сыновьях Рагнара”, где описание этой экзекуции уже успело обрасти красочными деталями, которые отсутствовали в более ранней редакции саги), поскольку она также входит в круг используемых им источников.

Первое, что принесло известность “Пряди об Орме”, это “Предсмертная песнь Асбьёрна”, строфы, произнесенные побратимом Орма во время казни. Долгое время в них видели аутентичное поэтическое творение X в., а также образцовый пример выражения героического презрения к смерти. Песнь в результате удостоилась отдельного и даже более раннего издания, чем прядь: впервые она была опубликована вместе с латинским переводом в 1689 г. в книге “Antiquitates Danicae”²⁶, позднее, уже в эпоху романтизма, появился ее английский перевод (“Select Icelandic Poetry”, 1804). Впоследствии, однако, исследования содержащихся в рассказе об Орме скальдических стихов показали, что привлекавшая публику предполагаемая древность песни, воплотившей в себе “героический дух” скандинавских воинов, сильно преувеличена. Как и все прочие висы в этом рассказе, “Предсмертная песнь Асбьёрна” на самом деле – произведение весьма позднее: по-видимому, она не старше самой пряди, т. е. была сочинена в XIV в., причем, как принято считать, скорее всего самим автором пряди²⁷.

Поэмы такого рода – обычно они более пространны – не редкость в сагах. Они даже получили особое название – “песни о жизни” (ævíkvaði): находясь на пороге смерти, герой подводит в

такой песни итог прожитому, в первую очередь рассказывая о совершенных им подвигах. Бывает, что песнь имеет определенного адресата, которому присутствующие при кончине героя соратники должны передать его посмертное послание. Так, подобно умирающему от ран Хьяльмару, одному из героев “Саги об Одде Стреле”, который посылает предсмертную песнь возлюбленной, Асбьёрн обращается в своих висах к матери. Сам же Одд Стрела, умирая от укуса змеи, распоряжается, чтобы при нем оставались 40 воинов, которым надлежало выслушать и запомнить его песнь, а затем передать эту последнюю весть его жене и сыновьям. Предсмертные песни прежде всего приводятся в “сагах о древних временах”, однако такая песнь известна и из “Саги о Греттире” (гл. 62). Это – песнь Халльмунда, причем предпосланная ей строфа, вне всякого сомнения, послужила образцом для висы, предваряющей “Предсмертную песнь Асбьёрна”, что явствует даже из ее перевода (ср.: “Я узнал, / Что нельзя мужу / Слишком в свои / Силы верить. / В смертный час / Изменит удача, / Но и дух / Воина дрогнет” – *ИС I, 709*)²⁸.

Несмотря на известное сходство всех предсмертных песней, обусловленное их общей жанровой принадлежностью, для вис Асбьёрна может быть найден ближайший прототип. Принято считать, что это – “Речи Вороны” (“*Krákumál*”), анонимная песнь XII в., якобы произнесенная в сходных обстоятельствах Рагнаром Лодброком в змеином рву, куда он был брошен пленившим его английским королем Эллой. Обе песни в основном сложены в одной и той же метрической разновидности скальдического размера дротткветт²⁹, носящей название *háttlausá* (букв. “безразмерной” – в ней отсутствуют регулярные внутренние рифмы), и имеют повторяющийся из строфы в строфу одностишный зачин (при этом непосредственным источником для такого зачина в песни Асбьёрна послужил дословно заимствованный начальный стих 14-й висы “Саги о Греттире”: *Annat var rá er inni* – “То ли дело, когда внутри...”³⁰; как уже говорилось, поэзия из этой саги, равно как и из “Саги об Одде Стреле”, также оказала влияние на поэтические вставки в “Пряди об Орме”). Помимо этого, наблюдается определенное сходство в содержании “Речей Вороны” и вис Асбьёрна: вслед за повествованием о

подвигах обоих героев высказываются пожелания отмщения врагам, подвергшим их жестоким пыткам, и называются будущие мстители. На связь между этими поэмами указывает и совпадение отдельных деталей³¹. Таким образом, не только узловые моменты эпизодов “Пряди об Орме”, описывающих приключения ее героев во владениях великанов, но и цитируемые в них стихи имеют литературные прообразы в целом ряде саг, главным образом принадлежащих к жанру “саг о древних временах”.

4

В третьей части истории с перенесением места действия с Овечьих Островов в Хладир – из окраинных мест обитания великанов и чудовищ в резиденцию норвежского ярла – заметно меняется и характер повествования. Рассказ об Орме обретает привычные черты той разновидности прядей, которая доминировала в литературе XIII–XIV вв. и в которой описывались взаимоотношения заезжего исландца с правителем Норвегии, так называемых “прядей о поездках из страны” (*útanferðar þættir*). Стержневыми элементами композиции таких историй обычно являются “отчуждение” и последующее “примирение”³² между героем-исландцем и конунгом, причем конфликт вызывается набором стандартных причин, во многом определяющих все дальнейшие сюжетные перспективы рассказа. Одно из таких оснований для возникновения конфликта – оговор врагов, приписывающих герою в действительности не совершенные им проступки или ставящих под сомнение его лояльность государю; “отчуждение”, вызванное наветом недоброжелателей, может преодолеваться вследствие успешного выполнения героем трудного задания³³.

Нетрудно заметить, что аналогичная схема присутствует и в нашем рассказе: дружинники неверно передают ярлу слова Орма, после чего тот подвергается испытанию и завоевывает признание ярла. Однако в отличие от “прядей о поездках из страны”, конфликт между исландцем и правителем здесь только намечен и, как кажется, служит всего лишь мотивировкой для описания очередных подвигов героя. Между тем существенно, что и сами

эти подвиги вовсе не сводятся к демонстрации богатырской силы и доблести героя: благодаря скрытым в них аллюзиям на известные эпизоды последней битвы Олава Трюгвасона, Орм представлен в них в качестве защитника Великого Змея и лучшего воина Олава, чье участие в битве при Свёлде непременно должно было уберечь конунга от гибели.

В первом из этих испытаний Орм, вооружившись палицей, в одиночку побеждает в морском бою семь боевых кораблей, разнося их в щепы, после чего ярл распоряжается прекратить сражение. Употребленное в оригинале наименование деревянного предмета, которым столь успешно орудует Орм – *berlings-áss*, не встречается в других исландских текстах, однако все комментаторы сходятся во мнении, что речь идет о корабельной принадлежности, скорее всего о рангоуте, круглом деревянном бруске, к которому прикрепляются паруса и снасти. Похожее название – также из сферы корабельной оснастки – используется в одном из последних эпизодов битвы при Свёлде в “Большой Саге об Олаве Трюгвасоне” (начало XIV в.), где фигурирует другой исландский силач, Торстейн Бычья Нога. В саге рассказывается, что, защищая конунга от натиска воинов ярла Эйрика, Торстейн сперва сбрасывает в море одного из нападающих ударом кулака, а затем в ярости хватает рангоут (*beiti-áss*) и начинает отбиваться им от врагов. Это вызвало неудовольствие конунга Олава, который сказал Торстейну: “Возьми свое оружие и защищайся им, потому что оружие на то и существует, чтобы люди сражались им в битвах, вместо того, чтобы наносить удары руками или палками”³⁴. Торстейн послушался и взял свой меч, а доверявший лишь оружию конунг Олав сразу же вслед за тем метнул в ярла Эйрика одно за другим три копья и трижды промахнулся. Сохранилась “Прядь о Торстейне Бычья Нога”, подобно “Пряди об Орме”, включенная в “Сагу об Олаве Трюгвасоне” в “Книге с Плоского Острова”, в которой описываются его необычайная сила и подвиги в борьбе с великанами, однако этот эпизод в пряди не упоминается. Нет его и в описании битвы при Свёлде в более ранних версиях саги об этом конунге Одда Сноррасона и в “Круге Земном”, из чего следует, что он, вероятнее всего, был включен в сагу позднее.

Близость названий необычного оружия, используемого обо-

ими героями в сходных обстоятельствах, а также демонстрация его большей эффективности по сравнению с оружием обычным (Торстейн обороняется успешнее, пока не берется за меч, Орм же с помощью “палки” побеждает целое войско) – все это указывает на невозможность случайного совпадения между этими сценами³⁵. Надо полагать, что прообразом для обороны Орма послужила сцена из саги, в которой действовал Торстейн, тем более что, как и в саге, этот эпизод “Пряди об Орме” имеет самое непосредственное отношение к битве при Свёлде. При этом вовсе не исключено, что эпизод обороны Торстейна в “Саге об Олаве Трюгвасоне” и сам мог быть обязан своим появлением преданиям об Орме и впоследствии был “возвращен” последнему уже в версии, навеянной сценой из саги об Олаве. Напомним, что в следующем эпизоде пряди описывается, как Орм опять же с помощью палицы (или реи: *áss*) в открытом поле одерживает победу над шестью десятками воинов ярла Эйрика. Поскольку из всех подвигов Орма именно этот получил такую известность, что был прославлен в “Драпе об исландцах” (см. выше), резонно предположить, что он и послужил основой для последующих трансформаций³⁶ и, в частности, был приписан другому богатырю, чей образ мог отчасти сливаться с образом Орма, на что указывает ряд ассоциаций между рассказами, посвященными Торстейну и Орму.

О том, что повествуя о последних подвигах своего героя рассказчик ориентировался на традицию изображения битвы при Свёлде, свидетельствует и следующий эпизод пряди. В нем Орм, явившись к знатному норвежцу Эйнару Брюхотрясу³⁷, растянул его лук на длину стрелы и ушел, оставив стрелу стоять в луке, чем немало удивил его хозяина. По мнению комментатора пряди Э. Фолкса, на фоне прочих подвигов Орма этот эпизод настолько незначителен, что едва ли мог быть кем-нибудь сочинен³⁸, видимо, автор пряди воспринял его из устной традиции. Насколько мы можем судить, это мнение ошибочно: сцена с луком содержит прозрачные аллюзии на один из эпизодов “Саги об Олаве Трюгвасоне” и вовсе не случайно связана именно с Эйнаром.

Эйнар был самым метким стрелком в войске Олава и самым молодым воином на Великом Змее (во время битвы при Свёлде ему было всего 18 лет). Именно в качестве отменного стрелка он

и фигурирует в одной из наиболее ярких сцен саги об Олаве Трюггвасоне в “Круге Земном” (гл. 108): «...Эйнар пустил стрелу в Эйрика ярла и попал в верх руля над самой головой ярла. Стрела глубоко вонзилась в дерево. Ярл увидел стрелу и спросил, не знают ли его люди, кто пустил стрелу. Но тут же другая стрела пролетела так близко от ярла, что прошла между его бедром и рукой и насквозь пронзила спинку сиденья кормчего. Тогда ярл сказал человеку – он был отличным стрелком, – о котором одни говорят, что его звали Финн, а другие, что он был финном: “А ну-ка пусти стрелу в того ражего детину на корме Змея”. Финн выстрелил, и стрела попала в середину лука Эйнара в то мгновение, когда тот натягивал свой лук в третий раз. Лук с треском разломился надвое. Тогда Олав конунг спросил: “Что это лопнуло с таким треском?” Эйнар отвечает: “Лопнуло дело твое в Норвегии, конунг”. – “Никогда не бывало такого громкого треска, – говорит конунг. – Возьми-ка мой лук и стреляй”. И он бросил ему свой лук. Эйнар взял лук, *растянул <его> перед острием стрелы* (dró þegar fyrir odd ögvarinnar – точно так же описываются в пряди и действия Орма: dró fyrir odd “растянул <лук> перед острием”. – Е.Г.) и сказал: “Слаб, слишком слаб лук конунга”. И он бросил лук, взял свой щит и свой меч и стал сражаться» (КЗ, 163–164; Нкр I, 362–363).

В более раннем жизнеописании Олава Трюггвасона монаха Одда Сноррасона, на которое опирался Снорри, этот эпизод представлен несколько иначе: Эйнар посылает в ярла Эйрика две стрелы, после чего ярл говорит, что “не склонен ждать третью”, и велит меткому стрелку Финну сыну Эйвинда, который и изготовил лук Эйнара, пронзить его своей стрелой. Тот отвечает, что не может сразить Эйнара, однако попытается лишить его лука, и как раз в тот момент, когда Эйнар готовится послать третью стрелу, расщепляет его лук своей стрелой. Далее следует тот же обмен репликами между конунгом и Эйнармом, однако в качестве реакции на знаменитые слова Эйнара о том, что лопнуло его дело в Норвегии, конунг Олав уже не предлагает юному воину свой лук, но в гневе отвечает: “Это уж как решит Бог, а не твой лук” (“Guð man því gaða, en eigi bogi þinn”)³⁹. Налицо, таким образом, различия в трактовке причин гибели конунга и возможности его

спасения: тогда как автор ранней саги не склонен связывать поражение Олава с утратой самого эффективного оружия – лука Эйнара, поскольку его участь зависит от одного лишь Господа, Снорри, напротив, лишний раз подчеркивает, сколь много могли значить в судьбе Олава меткий стрелок и доброе оружие. Окажись у Эйнара в руках подходящий лук, он, возможно, защитил бы конунга. Заметим, что эту же мысль в серии эпизодов пряди последовательно проводит и автор рассказа об Орме, представляя своего героя превосходящим всех защитников Великого Змея непобедимым воином, чье присутствие на корабле непременно привело бы к благоприятному исходу битвы и спасению короля. В данном эпизоде, повторяя действия, которые Эйнар в свое время произвел с луком конунга Олава, Орм – и об этом красноречиво свидетельствует изумление самого Эйнара – одерживает верх над лучшим норвежским лучником, поскольку, в отличие от “слабого” королевского лука (при том, что и Олав Трюггвасон изображается как отличный стрелок, ср., к примеру, “Прядь об Эйндриде Широкошопом”), растянутый Ормом лук Эйнара, несомненно, был подстать его владельцу⁴⁰.

Что же до непосредственного источника этого эпизода в пряди, то, как и в случае с обороной Торстейна Бычьего Нога, им скорее всего была “Большая сага об Олаве Трюггвасоне”, автор которой, повествуя о битве при Свельде, объединил в этой сцене версию монаха Одда с версией “Круга Земного”. Поскольку же в итоге “Прядь об Орме” оказалась вплетенной в эту самую сагу в “Книге с Плоского Острова”, причем получила в ней место среди рассказов, помещенных вслед за описанием битвы при Свельде, проясняется и ее назначение в саге. Подводя итоги последней битвы конунга, почитавшегося в Исландии в качестве святого крестителя этой страны, создатель компиляции противопоставлял всем защитникам Олава Трюггвасона крепкого в своей вере исландского витязя, победителя неодолимых великанов, превзошедшего силой самых могучих людей Исландии и Норвегии, единственного, кто способен был стать спасителем короля, будь на то Божья воля⁴¹.

Орм и запомнился исландцам одним из величайших воинов, когда либо живших в их стране. Сочиненное около 1588 г. латинское описание Исландии “Qualiscunque descriptio Islandiae”,

по-видимому, принадлежащее перу будущего епископа Скалхольта Одда Эйнарссона (1559–1630), не обошлось без упоминания Орма, чье имя поставлено в нем рядом с самым любимым в Исландии героем – Греттиром: “К числу знаменитейших воинов, рожденных в Исландии, принадлежат Орм сын Сторольва, живший около 1002 года, и Греттир сын Асмунда, родившийся в 1005 году, чья сага была подробно рассказана его современниками и спасена от забвения...”⁴².

- 1 *Hammershaimb V.U. Færöiske Kvæder. København, 1855. Bd. II. N 11, 12; Arwidsson A.J. Svenska Fornsånger. Stockholm, 1834–1842. N 8, 9.*
- 2 Из относящихся к XIV в. “саг об исландцах” на русский язык переведены лишь немногие: “Сага о Греттире” – самая значительная из постклассических саг, “Сага о Хёрде и островитянах” (обе неоднократно публиковались; входят в собрание *ИС, I–II*) и “Сага о Финнбоги Сильном” (СПб., 1885).
- 3 См. подробнее: *Vésteinn Ólason. The Fantastic Element in Fourteenth Century Íslendingasögur: A Survey // Gripla. 2007. Vol. XVIII. P. 7–22.*
- 4 Такого мнения придерживается, в частности, издатель пряди Э. Фолкс. См.: *Two Icelandic Stories: Hreiðars þáttur, Orms þáttur / Ed. A. Faulkes. L., 1968. P. 26.*
- 5 Об этом упоминается в “Круге Земном” (КЗ, 84–85).
- 6 *Jakob Benediktsson. Formáli // Íslendingabók. Landnámabók (Íslenzk Fornrit. I). Reykjavík, 1968. Bls. cxxxviii.*
- 7 *Two Icelandic Stories. P. 30.*
- 8 “Драпа об исландцах” воспеваает подвиги выдающихся жителей страны. Она сохранилась лишь в одной рукописи XIV в. и о ее авторе нет никаких сведений.
- 9 *Den norsk-islandske skjaldedigtning / Udg. Finnur Jónsson. København, 1973. Bd. V I. S. 542 (v. 15).*
- 10 *Boer R.C. Zur Grettissaga // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1898. Bd. XXX. S. 66–71.*
- 11 *Two Icelandic Stories. P. 31.*
- 12 *Hkr I, 345, note 5; KЗ, 156.*
- 13 *Schüek J.H.E. Svensk Litteraturhistoria. Stockholm, 1886–1890. Bd. I. S. 62.*
- 14 *Chambers R.W. Beowulf: An Introduction to the Study of the Poem. Cambridge, 1959. P. 53 f., 476 f.*
- 15 *Boer R.C. Op. cit. S. 25, note 2; Chambers R.W. Op. cit. P. 453.*
- 16 В качестве аргументов, удостоверяющих связь соответствующих эпизодов “Пряди об Орме” и “Саги о Греттире”, приводились некоторые вербальные

совпадения (см., в частности: *Chambers R.W. Op. cit. P. 66; 189, n. 1*). Прежде всего это сходство названий тех местностей, где разыгрываются обе сцены: Греттир борется с великанами в Песчаных Холмах – Sandhaugar, равным образом и посещаемые Асбьёрном и Ормом Овечьи Острова – Saudeyjar – при первом их упоминании в пряди названы не Овечьими, а *Песчаньими* – Sandeyjar. Другая знаменательная параллель, как утверждалось, проливает свет на облик чудовища, с которым сражался Греттир: по крайней мере однажды оно получает в саге то же обозначение, что и мать Бруси – ketta “кошка”. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что ни один из этих аргументов не соответствует действительности. Появление давнего основания для далеко идущих выводов топонима *Sandey* (Песчаные Острова) в публикации “Пряди об Орме” в “Книге с Плоского Острова” (*Flat. I, 546*) объясняется опечаткой (причем, следует отдать должное издателям, – опечаткой своевременно замеченной и внесенной в список *corrigena*, где *Sandey* исправлено на *Sauðey* – Овечьи Острова (*Flat. III, 698*; в рукописи *Flat. ‘d’* и *‘ð’* не различаются). Точно так же не опирается на написание в рукописи саги и чтение наименования противницы Греттира как *ketta* “кошка” (так в изд.: *Grettis saga / Ed. G. Magnússon, G. Thordarson. Kjöbenhavn, 1853. P. 151*): в оригинале она названа “женщиной” (*kvinnuna*). Между тем эта ошибка воспроизводится в научной литературе (см., например: *Chambers R.W. Op. cit. P. 159*, где в цитате из саги используется неверный “вариант” – *k(ett)una*; см. об этом подробнее: *Two Icelandic Stories. P. 35 f.*). Всего же прискорбнее, что эта ошибка проникла и в словари (см.: *Cleasby R., Guðbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. 2nd ed. P. 338.*

- 17 *Fornaldar sögur Nordrlanda / Ed. C.C. Rafn. Copenhagen, 1829–1830. Bd. II. S. 167 f.*
- 18 Поскольку соответствующий сцене в пещере Бруси эпизод лишения бороды был интерполирован в текст “Саги об Одде Стреле” лишь в середине XIV в., разумеется, невозможно полностью исключить вероятность влияния пряди на сагу. Однако обилие в “Пряди об Орме” заимствований также и из других источников скорее говорит об обратном. Судя по всему, автору пряди “Сага об Одде Стреле” была известна в поздней редакции. См.: *Two Icelandic Stories. P. 33 f., 40 f.; Formáli // Harðar saga / Þórhallur Vilmundarson; Bjarni Vilhjálmsson gáfu út (Íslenzk fornrit. XIII). Reykjavík, 1991. Bls. clxxxiii.*
- 19 Гл. 23: *Fornaldar sögur Nordrlanda. Bd. II. S. 256.*
- 20 См.: *Two Icelandic Stories. P. 100.*
- 21 *Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer. 4. Ausg. Leipzig, 1899. Bd. 2. S. 39 f., 269 f.* Я. Гримм находит описание такой казни в английском трактате середины XVIII в., рассказывающем о жестокости “папистов”, событие относится к 1641 г.: “another Scotchmans belly rept up and the end of his small guts tied to a tree, then he was drawn about till his guts were pulled out, that they might try (they sayd) whether a dogs or a Scotchmans guts were the longest” (Popish cruelty display’d by facts. L., 1745. P. 10).

- 22 См. подробнее: *Frankis J.* From Saint's Life to Saga: The Fatal Walk of Alfred Ætheling, Saint Amphibalus and the Viking Bróðir // *Saga-Book of the Viking Society*. 1999. Vol. XXV. N 2. P. 121–137.
- 23 Ibid. P. 131–134.
- 24 Ср. в переводе: “Кровавый орел / острым мечом / у Хундинга сына / вырезан сзади” (Старшая Эдда / Пер. А.И. Корсуна. М.; Л., 1963. С. 103). Большинство исследователей считают эту строфу позднейшим добавлением к песни. См., например: *Vries J. de.* *Altnordische Literaturgeschichte*. 2. Aufl. B., 1964. Bd. I. S. 297–298.
- 25 См.: *Frank R.* Viking atrocity and Skaldic verse: The Rite of the Blood-Eagle // *English Historical Review*. 1984. Vol. 99. P. 332–343; стихи цит. по: *Den norske islandske skjaldedigting*. Bd. V I. S. 232 (v. 1).
- 26 Что до “Пряди об Орме”, то она вышла годом позднее в первом издании “Саги об Олаве Трюггвасоне” (Скалхольт, 1690).
- 27 Two Icelandic Stories. P. 38 f.; Formáli // *Harðar saga*. Bls. clxxxi, f.
- 28 Пер. О.А. Смирницкой. В оригинале дословно совпадают 6-й и 8-й стихи обеих вис.
- 29 Отдельные висы в песни Асбьёрна сочинены в эддическом размере.
- 30 В приписываемых Асбьёрну строфах наречие *inní* было переосмыслено: здесь его следует истолковывать как личную форму от глагола *inna* “рассказывать”.
- 31 См. комментарии к песни, а также: Two Icelandic Stories. P. 37.
- 32 Термины Дж. Харриса, см.: *Harris J.C.* Genre and Narrative Structure in Some *Íslendinga þættir* // *Scandinavian Studies*. 1972. Vol. 44. N 1. P. 1–27.
- 33 Об этом типе прядей см.: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла: поэтика “прядей об исландцах”. М., 2004. С. 135–139.
- 34 Óláfs saga Tryggvasonar en mesta // Udg. Ólafur Halldórsson (Editiones Arnarnæ. Series A. Vol. 2). København, 1961. Bd. II. S. 284.
- 35 См. также: *Binns A.L.* The Story of Þorsteinn Uxafót // *Saga-Book of the Viking Society*. 1953–1957. Vol. XIV. P. 51.
- 36 Так, сходный эпизод имеется в “Саге о людях со Светлого Озера” (конец XIII в.), где в гл. 29 описывается, как Халль Отрюггсон, находясь на торговом корабле, во время нападения викингов доблестно сражается рангоутом (*beiti-áss*), подавая пример своим товарищам, в результате чего купцы одерживают победу. Указывалось и на возможный более отдаленный прообраз обороны Орма – *Wiedholt* с шестом в “Вальтарии” (см.: *Schach P.* *Übertreibung in den Isländersagas // Specvlm Norroenvm*. Norse Studies in Memory of Gabriel Turville-Petre / Ed. U. Dronke et al. Odense, 1981. P. 395 f.).
- 37 Об Эйнаре Брюхотрясе см.: *Успенский Ф.Б.* Из истории непристойного: явные и скрытые смыслы одного прозвища в средневековой Норвегии XI–XIII вв. // *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика*. М., 2008. С. 207–224.
- 38 Two Icelandic Stories. P. 30.

- 39 *Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk* / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 227–228.
- 40 Ср. также: *Rowe E.A.* The Development of Flateyjarbók. Iceland and the Norwegian Dynastic Crisis of 1389. Gylling, 2005. P. 84, notes 62–63. Э.А. Рой также отмечает победу Орма над Эйнараром, однако не замечает параллели между этим эпизодом пряди и сценой из саги об Олаве.
- 41 Напомним, что битва при Свёльде совпала по времени с паломничеством Орма в Рим.
- 42 Цит. по: *Vésteinn Ólason*. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of the Icelanders. Reykjavík, 1998. P. 242.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ИС* – Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. I–II.
- КЗ* – *Snorri Sturluson*. Круг Земной. М., 1980.
- Flat.* – *Flateyjarbok*. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I–III.
- Hkr* – *Snorri Sturluson*. Heimskringla. I–III. Bjarni Aðalbjarnarson gaf út (Íslenzk Fornrit. XXVI–XXVIII). Reykjavík, 1941.
- Land.* – *Landnámabók* / Jakob Benediktsson gaf út (Íslenzk Fornrit. I). Reykjavík, 1968.

Перевод с древнеисландского, комментарии
и статья Е.А. Гуревич